

INSPIRIA

ЗНАЧИТ, Я УМЕРЛА

Хилари Дэвидсон

INSPIRIA

Хилари Дэвидсон

Значит, я умерла

Серия «Ток. Мировой бестселлер»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68486167
Хилари Дэвидсон. Значит, я умерла: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-177433-2

Аннотация

**ОТ ДВУХКРАТНОГО ЛАУРЕАТА ANTHONY AWARD И
АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES.**

Если ты читаешь это, значит, я умерла...

Так начиналось письмо, которое Дейдрре Кроули получает от своей сестры Кэролайн... в день ее похорон. В произошедшем Кэролайн обвиняет Тео Трэкстона – наследника многомиллиардного отельного бизнеса и... своего мужа. Более того: она утверждает, что когда-то он уже был женат. И зверски убил ту женщину.

Дейдрре ничего не остается, кроме как выполнить последнюю просьбу сестры. Но чем глубже она погружается в мрачное закулисье семейства Трэкстон, тем настойчивее напоминают о себе ее собственные демоны...

Закрученная, захватывающая, леденящая кровь история от автора бестселлеров New York Times для поклонников Таны Френч и Лизы Гарднер.

«Хилари Дэвидсон предлагает читателю сыграть в игру. С извилистым сюжетом, достойным Агаты Кристи, сложными психологическими нитями и глубокими, темными семейными тайнами, эта история – переворот в жанре!» – Венди Уокер

«Хилари Дэвидсон – мастер сюжетных поворотов!» – Тесс Герритсен

«Триллер, который необходимо прочитать». – New York Journal of Books

Содержание

Часть I

8

Конец ознакомительного фрагмента.

102

Хилари Дэвидсон

Значит, я умерла

Hilary Davidson

HER LAST BREATH

©2021 by Hilary Davidson. All rights reserved. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Екимова Н. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. «ООО «Издательство Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Обычно я отдаю свое сердце героиням, но в этой истории его завоевал Тео Трэкстон, полный неоднозначности и загадок. А учитывая, что интрига лишь нарастала, я сидела как на иголках до самой развязки. Крайне шокирующей развязки, потому что подобное нереально предугадать.

Екатерина Ковалькова, редактор

«Хилари Дэвидсон предлагает читателю сыграть в игру. С извилистым сюжетом, достойным Агаты Кристи, сложными психологическими нитями и глубокими, темными семейными тайнами, эта история – переворот в жанре!»

Венди Уокер

«Хилари Дэвидсон – мастер сюжетных поворотов!»
Тесс Герритсен

«Триллер, который необходимо прочитать».
New York Journal of Books

* * *

*Для Эли, Зои и Сейдж
неизменно с любовью*

Часть I

Все видят тебя таким, каким ты кажешься, и лишь немногие знают, каков ты есть.

Никколо Макиавелли

Глава 1

Дейрдре

Я не знала, что надеть на похороны. В любой другой день я позвонила бы сестре и спросила совета у нее, ведь Каро всегда знала, как правильно. Но она умерла, и я никогда уже не услышу ее мягкий, немного хрипловатый голос.

Достав из алькова, который служил мне шкафом, всю имевшуюся у меня одежду – только черную, никаких других цветов я не носила, – я выбрала из нее тунику, достаточно длинную, чтобы сойти за платье, и добавила к ней колготки и кардиган, чтобы спрятать татуировки. Сунула ноги в дорожные и страшно неудобные лодочки на шпильках – откуда они у меня взялись, ума не приложу, не иначе как сестра подарила. Карабкаясь в них по лестнице, которая вела из моей полуподвальной квартиры на улицу, я чувствовала себя про-

сто неуклюжей коровой. Но когда спустилась в метро, доехала от Квинса до Манхэттена и явилась в церковь, то оказалась самозванкой.

– Ваше имя и пригласительный билет? – обратился ко мне охранник в форме.

– Дейдрре Кроули. Я сестра Кэролайн Трэкстон.

Охранник что-то сказал, но я не расслышала, потому что палилась на фасад церкви, борясь с внезапно нахлынувшим дежавю. Католических церквей с замысловатыми каменными рельефами на фасаде, изображающими Воскресение Христа или Судный день, в Америке хоть пруд пруди. Но у этой весь фасад занимала сцена распятия, причем мастер подошел к делу с такой глубокой серьезностью, что у меня от одного взгляда дух захватило.

– Сент-Винсент Феррер, – прошептала я. Именно здесь моя сестра выходила замуж четыре года назад.

– Какой номер был написан на оборотной стороне вашего пригласительного билета? – продолжал допытываться охранник, явно еще не решив, стоит ли соблюдать со мной вежливость.

Я моргнула, пытаясь вспомнить. Приглашение приволок в понедельник в шесть вечера какой-то подручный Трэкстонов. *Поминование Кэролайн Анны Трэкстон*, – рельефные черные буквы на плотной шелковистой бумаге цвета слоновой кости. *Приглашаем Вас на поминальную службу и ланч*. Помню, как неприятно поразила меня рамка из стилизован-

ной лозы вокруг ее имени – изысканно-острые шипы были нацелены на буквы так, словно хотели их задушить.

– Первая семерка. – Вообще-то на карточке было семь цифр, но остальные просто не желали приходить в голову. Само приглашение валялось сейчас где-то на книжном стеллаже в моей квартире – я сама зашвырнула его туда, как только получила, и до сих пор даже не вспоминала о его существовании.

– Назовите код целиком, – настаивал охранник. – Без него я не могу пропустить вас внутрь.

И тут меня переключило. Я почти не спала ночью; точнее, я не спала уже несколько ночей с тех пор, как узнала о смерти Каро. До церкви добралась на автопилоте – люди, наверное, шарахались от меня, видя мою походку зомби – а тут этот гад со своими претензиями... Не успела я глазом моргнуть, как мое горе превратилось в ярость.

– У меня сестра умерла, а ты не пускаешь меня на похороны! – заорала я.

Охранник даже втянул голову в плечи, точно опасаясь удара, но я только оттолкнула его в сторону и ворвалась в церковь.

На темных деревянных скамьях крупными оспинами белели розы. Смеялись и сплетничали гости, одетые от кутюр. В конце каждого прохода громоздилась башня из букетов, обвитых белыми лентами и тюлем. В общем, внутри церковь выглядела точно так же, как в день бракосочетания Каро, и

я, как и тогда, сразу почувствовала себя не в своей тарелке.

Я, наверное, заплакала бы, если б не охранник, который уже дышал мне в спину.

– Она без приглашения, – заявлял он всякому, кто пожелал бы его слушать. – Ее не должно здесь быть.

Я хотела уйти, но он крепко вцепился мне в запястье. Пришлось сделать глубокий вдох. «Каро, прости, что пришлось начистить этому молодчику рыло прямо на твоих похоронах».

– Она агрессивная. Отпихнула меня и ворвалась, – продолжал ныть охранник, пока я разворачивалась к нему, сжимая кулак.

– Вот как? – раздался вкрадчивый голос у меня за спиной. – Ну, значит, ты уволен.

Я разжала кулак так поспешно, словно избавлялась от улики. Передо мной стояла Джульетта Трэкстон: плечистая, ширококостная, в черном костюме в талию, на лацкане – две бриллиантовые булавки, на высокой прическе из платиновых волос – черная шляпка с перьями и вуалеткой. Интересно, уж не берет ли она свои наряды напрокат в музей какой-нибудь киностудии? Вылитая киношная вдова: подкупила банду отмороzków, чтобы те отправили ее муженька на тот свет, а сама изображает безутешность...

Пухлые намаженные губы Джульетты снова ожили.

– Разве похоже, что я шучу? – спросила она охранника. – Нисколько. Пошел вон.

Его лицо сделалось пунцовым.

– Но она...

– Отпихнула тебя в сторону. Я слышала. – И она махнула на него рукой так, словно отгоняла комара. – Трэкстоны не берут на работу неудачников. Вон.

Он пошел к выходу, злобно бормоча что-то себе под нос.

– Спасибо, – осторожно поблагодарила я. Каро часто говорила, что увольнять людей – главная цель в жизни ее невестки.

– А ты умеешь оживить похороны. – И она, окинув меня взглядом с головы до ног, вздернула бровь так, словно я опять обманула чьи-то ожидания. Джульетта была остра на язык и никого не щадила, и я уже приготовилась дать отпор, но она лишь вздохнула и сказала: – Наверное, хочешь видеть Тедди... Он там, впереди, с няней.

– Как он?

– Ему тяжело. Бедный малыш... – Джульетта повернулась, чтобы уйти, но, задержавшись, добавила: – И не ходи тут с таким видом, как будто ищешь неприятностей. Они тебя сами найдут. – Отпустив это таинственное замечание, она удалилась.

О ком это она: об охраннике, которого сама только что уволила, или о моем отце? Я внимательно осмотрела толпу, но нигде его не увидела. Прячется, наверное, где-нибудь в тени, как все чудовища... Зато я торчу посреди центрального нефа, у всех на виду. На меня оглядывались, но никто

не спешил подойти и заговорить со мной – невелика персона. Гроб сестры стоял в глубине церкви, прямо перед алтарем, но я была еще не готова к прощанию и решила сначала отыскать племянника, Тедди. Он был в черном траурном костюмчике, наверное, самом крошечном в мире, но строгим, с крохотной белой бутоньеркой, как полагается. Увидев меня, Тедди залез ножками на скамью, чтобы я могла его обнять.

– Тетя Ди, – выдохнул он мне в шею.

Что я могла сказать ребенку, которому едва исполнилось три с половиной года и у которого вдруг умерла мать? Все, кто знал Кэролайн, еще не пришли в себя от шока. Если уж у меня, взрослой, случившееся не укладывается в голове, то что может понять такой малыш? Наверное, о смерти матери ему рассказал отец, но как, какими словами? Ума не приложу.

– Ты ведь крепкий парнишка, да? – «Крепкий» – вот самый большой комплимент, который был в ходу у нас в семье. «Славный» – тоже хорошо, «смышлелый» – замечательно, но «крепкий» – это был идеал, к которому стремились мы все.

– Ага, – гордо ответил малыш.

Глория Ривера, его няня, тоже встала мне навстречу. Невысокая, хрупкая, круглолицая, с волосами цвета воронова крыла, она казалась то тридцати-, а то и пятидесятилетней, как поглядеть. Сочувствие буквально выплескивалось из ее глаз, когда она сказала:

– Мне так жаль, Дейрдре...

– Спасибо. – Никто в церкви так и не сказал мне этих слов.

Когда Тедди наконец отпустил меня, я побрела к гробу сестры так, словно меня тянули туда на невидимых нитях. Верхняя часть крышки была откинута, и я увидела совершенное в своей красоте и еще не тронутое смертью лицо сестры. Золотоволосая, с нежным румянцем, она больше походила на Спящую красавицу, чем на покойницу. На какое-то мгновение мне даже показалось, что сейчас она сядет, улыбнется, и окажется, что ее похороны были всего лишь постановкой, поводом, чтобы собрать вместе нашу разношерстную семейку.

– Я и не знала, что способна так скучать по кому-то, – прошептала я.

Ненадолго я даже перестала слышать болтовню приглашенных, как будто во всей громаде церкви не было никого, только гроб и я. Но чары рухнули, когда на полированную крышку гроба тяжело опустилась мужская рука, клацнув по ней золотым кольцом Кладда¹. По нему я его и узнала – это был отец. Именно этого я и боялась. Раньше, стоило нам с отцом оказаться в одном пространстве – на свадьбе Каро, на похоронах матери или крестинах Тедди, – сестра всегда брала на себя роль рефери, разводя нас по разным углам ринга.

Мгновение он и я смотрели друг на друга. Взгляд его го-

---

¹ Кольцо Кладда – тип традиционного ирландского кольца, которое преподносится в знак дружбы, а также используется в качестве обручального кольца.

лубых глаз был холоден и тверд. Воздух вокруг нас словно напился отравой. Между нами ничего не изменилось. Он открыл рот, чтобы заговорить, но я не дала ему шанса: отвернулась и пошла прочь.

Минорные вздохи органных труб подчеркнули уродливость момента. Уходя, я споткнулась в проходе. Интересно, мне только казалось или на меня действительно смотрели? Помню, на свадьбе Каро я слышала, как кто-то сказал вслух: «Кто бы мог подумать, что Тео на ней женится!» Замечаниям о том, как повезло моей сестре, не было конца. Одна гостья с прической а-ля улей, сверкая драгоценностями, как рождественская елка игрушками, так прямо и ляпнула ей: «Ты, наверное, чувствуешь себя сейчас Золушкой, которая выходит замуж за принца, правда?» И даже Каро, невозможно элегантная, как всегда, — даже она не нашлась, что ответить на такую наглость, только улыбалась, как контуженная. Теперь Золушка лежала в гробу, но общее настроение осталось прежним.

Я поняла, что мне надо глотнуть свежего воздуха, иначе я задохнусь. В горле стоял ком; мысли вертелись вокруг того, что сказала бы мать, если б видела, какими убийственными взглядами обменялись ее муж и младшая дочь над гробом старшей. Когда я росла, мать всегда казалась мне очень печальной — какие бы радости ни маячили на горизонте, над ней всегда словно висела туча. И, честно говоря, так оно и было.

Когда я вышла из церкви, охранники устали на меня с любопытством, но того, кто пытался меня задержать, среди них уже не было. Я зацокала каблуками по ступенькам. День был солнечный – для апреля. Внизу, обойдя с наветренной стороны группу безутешных курильщиков, я остановилась. На тротуаре какой-то придурок навел на меня объектив фотоаппарата. Я отвернулась и вытащила телефон. Необходимо было срочно отвлечься, пока меня не взорвало.

Тут-то я и увидела имейл. «Вам приватное сообщение от Кэролайн Кроули».

Со дня своей свадьбы сестра носила имя Кэролайн Трэкстон. Вот почему, когда я увидела на экране ее девичью фамилию, мне показалось, что это время расступилось и выдало своеобразный реликт, заблудившийся цифровой след человека, который перестал существовать еще четыре года назад.

Я нажала на сообщение, и экран вдруг пожелтел, словно пергамент. «В «Склепах Озириса» ваша информация в полной сохранности, – появилась надпись наверху экрана, и ниже: – Кэролайн Кроули хочет, чтобы вы прочли это письмо».

К этому прилагалось изображение Озириса, зеленоликого египетского бога, которого родной брат разрубил на куски, а родная сестра собрала эти куски и воскресила. В детстве я увлекалась мифологией и теперь еще не прочь почитать что-нибудь на эту тему время от времени. Каро часто дразнила меня по поводу моего анкса – татуировки с египетским крестом жизни у меня на плече. Может, она и тут решила пошу-

тить? Я мотанула сообщение дальше.

Над окошком с письмом было написано: «Сообщение для вас от Кэролайн». У меня перехватило дыхание.

Дейдре,

Я часто думаю о маме и о том, как не хочется верить, что и тебя постигнет судьба одного из родителей, пока это не случится.

Если ты читаешь это, значит, я умерла. Как бы ни выглядела моя смерть, она не случайна. Тео уже убил одну женщину, и это сошло ему с рук. Заставь его ответить за мою смерть, чего бы это тебе ни стоило.

Я люблю тебя, Додо. Всегда.

Каро

Глава 2

Дейдре

Слова на экране закружились и слились вместе. Я зажмурилась, не зная, что думать: может, это розыгрыш? Но когда я открыла глаза, письмо Каро было на месте. Кружились не буквы, а моя голова.

– Вы ведь сестра Кэролайн, верно?

Со мной заговорила женщина в дорогом розовом костюме. Он придавал ей вид зрелой дамы, хотя вообще она, кажется, была моей ровесницей. При этом была худа, как велосипед, причесана, как девушка из прогноза погоды, и так густо покрашена, что когда солнце в очередной раз выглянуло из-за облака, ее лицо засверкало, словно зеркальный шар в дискотеке.

– Дейдрре, да? Смерть Кэролайн – такой удар для вашей семьи... – Розовые губы женщины двигались стремительно.

– Да.

– Я – Эбби Морел, из «Глоуб». Я знала вашу сестру.

Из-за тошнотворно-сладкого аромата гардении, исходившего от нее, у меня еще сильнее закружилась голова. Мне хотелось отойти от нее, но, услышав последние слова, я застыла на месте.

– Откуда?

– Мы, случалось, писали для одних и тех же изданий как фрилансеры.

Я взвесила вероятность услышанного. Каро была журналисткой, до того как перейти на темную сторону, как она называла свой брак с представителем известного семейства.

– Я знаю, что Кэролайн скончалась скоропостижно, но что все-таки случилось с вашей сестрой, как вы считаете?

– Она скончалась в результате невыявленной патологии сердца, – машинально повторила я то, что слышала в полиции.

– То есть она никогда на сердце не жаловалась? В том числе в детстве?

– Нет, конечно, иначе патология была бы выявленной.

– Может, наркотики?

Я еще не оправилась от потрясения, вызванного письмом Каро, чтобы бодаться с назойливой дамой, поэтому просто повернулась к ней спиной, избежала по ступенькам и укрылась в церкви, на задней скамье. Температура внутри за считанные минуты как будто упала градусов на десять, и я обхватила себя руками, чтобы согреться.

Как прошла служба, я помню смутно. В мозгу то и дело прокручивались отрывки наших последних разговоров с сестрой. Я давно догадалась, что Каро была несчастлива в браке, – по тому, как она старательно избегала этой темы, как всякий раз уходила от моих прямых вопросов о Тео, словно эта тема была ей особенно неприятна. Но я и подумать не могла, что муж задумал убить Каро, что он уже убивал раньше – эта мысль казалась мне совершенно безумной. На мгновение я даже допустила, что эта темная журналистка, которая подошла ко мне только что, права, и Каро действительно пропускала время от времени таблетку-другую чего-нибудь галлюциногенного, но тут же устыдилась своих сомнений в сестре. Чувство вины встряхнуло меня, как хорошая пощечина.

«Тео не убивал, – твердила я себе. – Просто у Каро оказалась невыявленная патология сердца».

Она умерла рано утром, во время пробежки по парку – сердце остановилось, она упала и умерла. С кем угодно может случиться, сказал мне коп. Многие люди живут с патологиями и ничего не знают о них.

«Как бы ни выглядела моя смерть, она не случайна...»

Фраза из письма сестры вспомнилась мне так внезапно, что я даже вскрикнула, чем заслужила недовольный взгляд священника. Он и так всю службу сохранял выражение лица раннего христианского мученика, проповедующего язычникам. Прикусив язык, я сидела молча, пока Джуд Лазаре, подруга Каро, читала отрывок из Библии: «А души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их. В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался гибелью, и отшествие от нас – уничтожением, но они пребывают /в мире»².

Зацепившись мыслью за эти слова, я старалась не отпустить их от себя, пока Джуд читала дальше. «Каро пребывает в мире», – думала я. Тот коп сказал мне, что она не мучилась, что смерть была мгновенной и легкой.

«Заставь его ответить за мою смерть, чего бы это тебе ни стоило...»

Я обвела церковь глазами, ища Тео, и уперлась взглядом в его затылок. Он сидел на передней скамье, с родственниками. Я тоже должна была быть там – и была бы, если б не мой отец. Тео даже отсутствовал в Нью-Йорке, когда умерла Ка-

---

² Пм. 3:1–2.

ро, напомнила я себе. Копы не сразу смогли с ним связаться, он был в самолете. Как он может быть виновен в смерти Каро?

Когда настала очередь Тео говорить и он поднялся, мне вдруг показалось, что во всей громадной церкви нас осталось лишь двое – я и он. Мне-то мой зять всегда нравился. Я познакомилась с Тео вскоре после того, как мы с Каро восстановили отношения после нескольких лет молчания – она как раз только-только начала с ним встречаться. Признаюсь, что я буквально возненавидела его еще до того, как увидела, – дело в том, что сестра сразу сказала мне, что он кто-то вроде Хитклиффа, а я всегда терпеть не могла «Грозовой перевал». Но, когда мы все же встретились, я поняла, что мне импонирует его серьезность, его неумение поддерживать пустой светский разговор и даже его сардонический юмор. Люди обычно стараются произвести наилучшее впечатление на других и прячут свое истинное «я» под маской условностей, так что на их фоне прямо́та Тео бодрит, как холодный душ. Мы с ним едва успели познакомиться, а он уже выдал мне: «Каро рассказывала, что ты еще в юности ушла из дома и жила с подругой до конца школы. Ты смелая. Мой отец сплавил меня в частную школу, которую я терпеть не мог, а я, вместо того чтобы сбежать оттуда, накачивал себя наркотиками как дурак».

Сидя на похоронах сестры, я спрашивала себя, не приняла ли тогда бессердечность за искренность.

– Спасибо вам всем за то, что пришли, – звучал между тем поставленный голос Тео. Его акцент Каро называла «средне-атлантическим», что всегда наводило меня на мысль о плавающем рыбзаводе посреди океана. Безупречная интонация выдавала богатство и хорошее воспитание, но из-за нее каждое слово у него выходило будто залитым тонкой корочкой льда, словно кусок рыбного филе, и мне всякий раз становилось холодно. – Не могу выразить, как много это для меня значит. Знаю, что Кэролайн удивилась бы, если б узнала, скольким людям она была дорога.

Его слова были подобраны безупречно, подача – выше всяких похвал. Тео говорил сам, не заглядывая в бумажку, так что слушать его было одно удовольствие, да и смотреть на него тоже: черные волнистые волосы, синие глаза, шесть фунтов и один дюйм чистой мускулатуры упакованы в дорогой костюм, пошитый на заказ. Правда, глаза у него были абсолютно сухи, но меня, урожденную Кроули, это не смущало: в нашей семье тоже ни из кого слезинки не выжмешь. Холодная сдержанность мне как раз понятна. Речь Тео текла размеренно, без долгих пауз и без эмоций. Каждое слово сверкало, словно отполированная монетка, брошенная в фонтан.

Поминальная служба закончилась в рекордно короткие сроки – почти все гости брали пример с Трэкстонов и сидели, словно деревянные; лишь немногие смельчаки отважились подойти к священнику под благословение, а причастие

никому даже не предложили. Тео еще до похорон спрашивал меня, не хочу ли я сказать пару слов над гробом сестры, и я порадовалась, что сказала «нет». Пока он прощался с Каро, а потом отходил от гроба, я следила за ним глазами, не в силах двинуться с места, будто в трансе. Я понимала, что надо поговорить с ним, но не знала, с чего начать.

Но не успела я на что-нибудь решиться, как под сводами церкви раздался пронзительный голосок:

– Не трогай меня!

Я сразу узнала голос Тедди. Тео на полушаге развернулся и побежал к сыну. Когда я вскочила, он уже был возле Тедди, загораживая его от фотоаппарата, который держал высокий крепкий мужик.

– Я его пальцем не тронул!

– Тронул! – выпалил Тедди.

Одной рукой Тео схватил мужика за воротник, другой выбил у него из рук фотоаппарат; тот хряпнулся о каменный пол и тут же затрещал под ногой Тео.

– Отстань от моего сына! – Он сказал это не громко, но слова прокатились по всей церкви. Оттолкнув незадачливого фотографа, схватил малыша на руки и повернулся, чтобы уйти.

Фотограф бросился за ним, явно собираясь продолжить дискуссию не мирным путем, однако тяжелые шаги выдали его намерения, Тео развернулся и встретил его ударом кулака в лицо. Мужик рухнул как подкошенный, а Тео, не выпус-

кая Тедди, вышел из церкви через боковую дверь.

С трудом сохраняя равновесие на дурацких каблуках, которые подарила мне Каро, я кое-как добралась до выхода, спустилась по ступенькам, но на тротуаре все же зацепилась за что-то и чуть не грохнулась на четвереньки. Тихо матерясь, выпрямилась под пулеметным огнем фотовспышек: газетные стервятники щелкали затворами, и я поняла – сейчас они сольют все это в онлайн, и поползут сплетни, что на похоронах сестры я была пьяна в стельку, хотя я вообще не пью.

Но меня беспокоило другое: я еще никогда не видела, чтобы мой зять поднял на кого-то руку. Омерзительная сцена в церкви открыла мне глаза на другого Тео. Пока Каро была жива, мы пару раз в месяц ходили куда-нибудь вместе, и каждую неделю созванивались или списывались. Это создавало у меня иллюзию близости с сестрой, главным образом потому, что она была в курсе всех моих проблем. А своих у нее как будто не было – во всяком случае, так мне казалось. Я даже не представляла, что одной из них может быть ее муж.

Глава 3

Дейрдре

На поминальный ланч я не собиралась и до сообщения

Каро, а потом тем более. Перечитав сообщение, я обратила внимание на ссылку с надписью «Кликнуть доступ к файлу». Я кликнула, открылась веб-страница с надписью «Файлов нет». Похоже, я попала в западню. Не зная, как быть, поплелась к метро. До Элмхёрста, моего района в Квинсе, от Манхэттена езды пятнадцать минут, если сесть на экспресс Е. Мне нужно было побыть одной и подумать.

Вагон был почти пуст, и я сразу плюхнулась на свободное место. Сердце стучало как бешеное, мысли метались так, словно с цепи сорвались. Пришлось сделать несколько глубоких вдохов и выдохов. Забавно – люди стараются как можно меньше ездить в метро, чтобы не вдыхать вирус, а я сижу тут и дышу полной грудью, втягиваю в себя все подряд, и вирусы, и бактерии, лишь бы победить приступ паники... Старая дама напротив метала в мою сторону убийственные взгляды из-под пластикового экрана, которым было закрыто ее лицо. Я устыдилась и надела бумажную маску. Вообще-то это было уже не обязательно, но некоторые люди готовы были в драку лезть, стоило им увидеть кого-то в помещении и без маски.

Выйдя на «Рузвельт», я пересела на местную линию до остановки «Гранд-авеню – Ньютаун». В обычный день я прошла бы это расстояние пешком, но в обычный день мои ноги не сжимали бы тиски туфель. Прихватив в «Кунг-фу ти» чай с личи, я поковыляла домой.

Каро не воротила нос от района, в котором я живу – в

конце концов, наше детство прошло неподалеку, – но всегда возражала против того, что я живу в подвале. Она даже предлагала оплачивать мне квартиру, чтобы я, как выражалась сестра, жила в «нормальном доме», а не ютилась вшестером в жилье, рассчитанном на одну семью. Но в моей подвальной каморке на Пятьдесят пятой авеню были электрочайник и мини-холодильник вместо кухни, унитаза и раковина прямо в комнате, так что это было еще вполне терпимое жилье – случалось мне обитать в местах и похуже. Я терпеть не могу просить, и предложения Каро насчет квартиры, которые она делала не один раз, всегда вызывали у меня неловкость. Она говорила: «У меня есть деньги, а что толку, если я все равно не могу потратить их ни на что доброе?» Подходя к дому, я вдруг поняла, что моя сестра была единственным человеком на свете, который хотел сделать мою жизнь легче. А теперь ее не стало...

Поворачивая ключ в замке, я даже дыхание затаила: Господи, сделай так, чтобы моей квартирной хозяйки не было дома. Сэйра Мукерджи – неплохая, в сущности, женщина – почему-то считала своим долгом следить за тем, когда я ухожу и прихожу, как будто она была моя родная мать. Проблему выхода я решила просто: из подвала на задний двор вела лестница, по которой я незаметно выскальзывала из дома. Но во дворе была калитка, которая не открывалась с улицы, и возвращаться приходилось через обычную дверь. В тот раз мне повезло: квартирная хозяйка была у себя, наверху, – я

слышала над головой ее шаги, — но вниз она не спускалась. Скинув туфли, я подхватила их и шмыгнула в подвал, где открыла свою дверь и тут же заперла ее за собой.

Мой застенок, как я про себя называла свое жилье, был крохотным и начисто лишенным естественного света. Стены были покрыты такой мрачной темно-зеленой краской, как будто предыдущий обитатель поставил себе целью понять, каково это — жить внутри незрелого авокадо. Перекрасить их мне не позволили, хотя не очень-то и хотелось. Вещей у меня было немного: матрас для сна, складной столик, стеллаж для книг и единственный стул для гостя, хотя я никого к себе не приглашаю. Вообще, я терпеть не могу интерьеры, забитые вещами, но мой книжный шкаф — это мой позор: его полки прогибаются под тяжестью книг, фотографий и резных поделок. Раньше у меня была привычка забрасывать почту на верхнюю полку. Вот и теперь, порывшись там, я обнаружила том с гравюрами Гюстава Доре к «Божественной комедии» Данте, а на нем — то, что я искала: большой конверт из плотной желтоватой бумаги, на котором четким завитым почерком Каро были выписаны мое имя и адрес.

«Я собиралась отправить его по почте, если мы не встретимся», — сказала тогда она, вручая мне конверт.

«Что здесь?»

«Помнишь, ты как-то сказала, что хотела бы иметь семейные фото? Ну вот, я наконец собралась и распечатала для тебя кое-что... Там еще карта памяти, на ней тоже снимки».

Вернувшись к себе после той встречи, я сразу взялась за фотографии. Но, едва увидев снимок с отцом, снова сгребла их в конверт, а конверт закинула на шкаф. С глаз долой, из сердца вон.

Теперь я достала конверт, взяла протеиновый батончик и села на матрас. В конверте лежали свежие перепечатки старых семейных фото. Вот мы с Каро обнимаемся на фоне рождественской елки: ей десять лет, мне – пять, обе в красных бархатных платьицах с пышными юбками, которые сшила нам мать. Следующий снимок сделан двумя годами позже, на нем мы с родителями. Его-то я и увидела пару недель назад, после чего забросила весь конверт на шкаф. Я возненавидела это фото сразу, с первого взгляда, потому что на нем была ложь: глядя на него, можно было подумать, что мы – счастливая семья, которой на самом деле никогда не были. Но теперь, когда Каро не стало, я смотрела на эту фотографию, и мое сердце ныло от тоски по сестре.

Я отхлебнула чаю с личи и собралась с духом. Каро, наверное, взяла снимки у отца. Всего около двух дюжин, в основном небольшие, четыре на шесть или пять на семь³, и два портрета побольше. Пара снимков Тедди – на одном он играет сам по себе, а на другом снят с Каро на золотом песчаном пляже. Остальные фото были совсем старые. Каро даже раскопала где-то свадебную карточку отца с матерью, где они стоят на фоне церкви в Белфасте, не помню, как она называ-

---

³ В дюймах. 1 дюйм = 2,54 см.

ется. Мать там такая красивая, с безмятежным породистым лицом, а отец прямо раздулся от гордости – рад, поди, что сумел завлечь эту восхитительную женщину в сети брака. У меня и раньше был один старый снимок, так я буквально выкромсала из него отца, но после похорон у меня рука не поднялась сделать то же самое.

«Я часто думаю о маме и о том, как не хочется верить, что и тебя постигнет судьба одного из родителей, пока это не случится».

Вот снова мама, здесь она подросток, а вот я, в возрасте семи лет, в моем первом кимоно в школе карате Хигаси. Ну и разные семейные праздники: дни рождения, Рождества, вплоть до моего пятнадцатилетия. После ни на одном фото меня нет, и неудивительно. С пятнадцати до девятнадцати лет наступило молчание в эфире: я не общалась ни с кем из родных, кроме матери, – точнее, мать была единственной, кто еще общался со мной. Один снимок из тех лет меня удивил: на нем Каро в розовом кружевном мини-платье стояла на лестнице, обняв одной рукой мужчину, явно не мужа. Высокий блондин, лицо грубоватое, но по-своему привлекательное. Судя по тому, как повисла на нем моя сестра, я бы предположила, что это ее парень, с которым она встречалась в старших классах. Вот только на вид ему было лет тридцать. На обороте элегантным почерком Каро было написано: «С Беном, дом Кларксонов/Норткаттов в Хай-Фоллз, Нью-Йорк». Это ничего мне не объясняло, и я даже подумала, что

Каро, наверное, положила это фото в конверт по ошибке.

Разложив снимки на матрасе, я поняла – среди них нет снимков Тео. Как будто Каро уже давно вычеркнула мужа из своей жизни. Он часто уезжал в командировки, но сестру это никогда особенно не волновало. А вот мне такое полное его отсутствие вдруг показалось неправильным.

«Если ты читаешь это, значит, я умерла...»

Смысл письма Каро ворвался в мой мозг, как торнадо. Со стороны ее жизнь выглядела сказкой. Вышла замуж за богача, вошла в семейный бизнес, родила чудесного карапуза. Конечно, у всего в жизни есть своя обратная сторона – Каро терпеть не могла невестку, та платила ей тем же, зато у нее были прекрасные отношения со свекром и свекровью – мачехой ее мужа; те прямо-таки баловали ее. Я никогда не мечтала жить на Верхней Ист-Сайд, но не смогла удержаться от зависти, когда увидела дом, который Каро и Тео получили как подарок к свадьбе. Часовые-гаргульи на крышах, окна-витражи – дом прямо как из готической сказки, сразу и захватывающей, и страшной.

«Как бы ни выглядела моя смерть, она не случайна...»

В последний раз я видела сестру в субботу. Она показалась мне рассеянной и погруженной в себя, но она всегда бывала такой, когда работала над крупным проектом. Сеть отелей Трэкстонов сильно пострадала от пандемии, и от успеха рекламной кампании, которую вела Каро, зависело, удастся ли вдохнуть новую жизнь в старый бренд. Пока мы разгова-

ривали, вокруг нас носился Тедди, смешил меня, и разговор вышел не особенно серьезным.

«Тео уже убил одну жену, и это сошло ему с рук...»

Прочитав это, я заподозрила, что письмо Каро – розыгрыш. Какую еще жену? Тео не был женат раньше. Когда он и Каро еще только встречались, я нашла о нем в интернете все, что только можно, но про жену там не было ничего. А ведь такой секрет не спрячешь. Или я ошиблась?

Я стала переворачивать фотографии, ища пометки Каро. Ни о какой первой жене Тео там не было ни слова. Тогда я схватила лэптоп, снова набрала «Склеп Озириса» – и снова вышла ни с чем.

Оставалась еще карта памяти из конверта. На ней оказалось 1702 файла. Я кликала на первые попавшиеся, пока не увидела на экране Тео. Он стоял возле рождественской елки, а у его ног возились с игрушечным поездом сын и отец. Судя по всему, дед с внуком прекрасно проводили время, чего нельзя было сказать о Тео: тот стоял, сложив руки на груди, и мрачно смотрел на них. Его лицо было непроницаемо.

«Заставь его ответить за мою смерть, чего бы это тебе ни стоило».

Первые пятьдесят файлов я просмотрела в убыстренном темпе. Там было столько снимков моей сестры в более счастливые времена, что у меня даже слезы на глаза навернулись. Может быть, где-то в этом архиве и было фото Тео и его первой жены, но я была не готова перелопатить такой объем се-

мейной истории за раз и потому не стала его искать. Выдернув из компьютера карту памяти, вернула ее в пластиковый чехол. На экране возникла статья о смерти моей сестры. Даже не знаю, почему я не закрыла ее сразу. Наверное, потому, что заглянула в строку с именем автора – впервые в жизни. Там было написано «Эбби Морел» – то самое блестящее чудище, которое я встретила на крыльце церкви.

«Смерть Кэролайн Трэкстон потрясла Нью-Йорк. Бывшая журналистка, ставшая светской львицей, умерла, совершая раннюю утреннюю пробежку неподалеку от штаб-квартиры ООН на Первой авеню. Полиция устанавливает причины смерти. По их мнению, сердце Кэролайн Трэкстон остановилось приблизительно в 6 часов утра в результате не диагностированного прежде сердечного заболевания. Она упала прямо на лестнице Щаранского, над парком Ральфа Банча, ударившись головой и рукой. Когда ее обнаружил прохожий, она еще дышала, но умерла по дороге в больницу Тиша, где и было выдано заключение о смерти.

На вопрос о том, могла ли молодая женщина – до 30-го дня рождения Кэролайн Трэкстон оставался всего месяц – быть убита или стать жертвой злоупотребления наркотиками, офицер полиции Нью-Йорка Луис Вильяверде ответил, что это исключено. По его словам, все случившееся – результат «несчастливого стечения обстоятельств»; во время пробежки покойную неоднократно зафиксировали камеры наружного наблюдения с разных точек, и ни в одной записи нет

ничего подозрительного. «Многие люди имеют проблемы с сердцем, о которых они ничего не знают», – добавил полицейский, однако на прямой вопрос о том, употребляла ли светская львица наркотики, отвечать отказался.

Миссис Трэкстон была супругой Теодора Трэкстона-второго, наследника огромной империи отелей «Трэкстон интернешнл», и трудилась в компании на посту главы отдела по связям с общественностью. Связаться с самим мистером Трэкстоном нам не удалось, однако его сестра Джульетта Трэкстон сделала заявление для прессы от лица всего семейства. «Мы глубоко потрясены смертью Кэролайн, – сказано в заявлении. – Для всех нас ее кончина стала неожиданным и печальным событием. Мы до сих пор не верим, что ее больше нет».

У Кэролайн Трэкстон остался муж и трехлетний сын, Теодор Трэкстон-третий, которого в семье зовут Тедди».

У меня зазвенело в голове, в ушах застучала кровь, как бывало в детстве, когда из соседней комнаты доносились звуки драки, и я знала, что не в силах помешать этому. Грудь вдруг пронзила такая острая боль, что я повалилась на матрас, обхватив руками колени и прижав их к животу, но и это не помогло.

– Но теперь ты взрослая, – напомнила я себе вслух. – Ты не можешь воскресить сестру, но добиться для нее справедливости тебе по силам. Все зависит только от тебя.

Я вскочила с матраса, почистила зубы и поправила маки-

яж, чувствуя себя воином, готовящимся к битве. Мне придется нарастить крепкий панцирь, если я хочу добиться того, о чем просила меня сестра. И я еще раз проглядела снимки.

– Черт побери, Каро, ну почему ты не оставила мне что-нибудь посущественнее, хотя бы имя его первой жены?

Сунув фото и карту памяти в конверт, я натянула высокие ботинки из черной кожи. У меня был всего один шанс добыть доказательства, и я не собиралась его упускать.

Глава 4

Тео

«Я больше не хочу быть твоей женой. Разве это так трудно понять, Тео? Уходи из моего дома».

Как только я вошел в церковь, меня окружили люди, но в ушах звучал лишь издевательский голос жены. Приглашенные подходили по очереди, говорили, как они сожалеют о случившемся, но вряд ли кто-то из них сожалел больше, чем я.

Просто не верилось, что всего неделю назад я был в Бангкоке, где обсуждал с правительственными чиновниками и представителями национального музея Таиланда возможности возвращения похищенных произведений искусства. Сто-

яла влажная жара, в разгаре дня воздух как будто плавился. Я изо всех сил старался сосредоточиться на этом воспоминании.

Но сердце упорно выбивало навязчивый ритм.

«Уходи из моего дома».

Последние слова, сказанные Кэролайн мне перед смертью.

Надо было успокоиться, иначе я не смог бы как следует произнести свою речь. В дальнем конце церкви я нашел небольшую нишу и нырнул туда, надеясь на желанное одиночество. Но там уже сидели мой отец с сестрой – и стрекотали, точно сороки.

– Но признай, что явка просто отменная, – говорил отец. – Столько людей сразу в одном пространстве я не видел с самого начала пандемии. Кэролайн обожали, ведь так?

– Люди просто соскучились по шоу, да и по бесплатным обедам тоже, – сухо ответила ему Джульетта. – Половина из них понятия не имеет, кто такая Кэролайн. А вторая половина хочет взглянуть, как она выглядит в гробу.

– Опять ты со своей ревностью, Джульетта, – заворчал отец. – Так нельзя, это же просто некрасиво.

– Прикажешь мне притвориться безутешной?

Тут они увидели меня. Отец опомнился первым.

– Тео... Как ты, сын? Выглядишь неважно. Уверен, что сможешь произнести речь? Если нет, то не надо. Я сам сочту за честь сказать пару слов над ее гробом.

– Мне не нужна твоя помощь. – Вообще-то у меня дрожали колени при одной мысли об этой речи, но я не собирался никому уступать свое право.

– Вот оно, семейное обаяние Трэкстонов, – встряла Джульетта. – Вкрадчив, как уж, смертелен, как кобра. Чистый сердцеед.

Сестра старше меня на четыре года, и мы с ней терпеть не можем друг друга. Я тут же пожалел, что сорвался на отца, – он этого не заслужил, в отличие от сестрицы.

– Как ты забавно выглядишь, – сказал я ей. – Решила внести в похороны нотку комизма?

Укол был совсем слабый, но Джульетта сдулась мгновенно: она терпеть не может замечаний о своей внешности.

– А ну-ка, перестаньте, – прошипел нам отец, как в детстве.

– Кто-то должен пойти к людям, а не отсиживаться здесь, – сказала Джульетта. – Видимо, отдуваться придется мне, как всегда. – И она вышла с таким видом, как будто вся церковь была ее собственностью.

– Я знаю, сегодня трагический день для тебя, сынок. – Отец взмахнул рукой, указывая на церковь. – Я постарался сделать все так, как понравилось бы самой Кэролайн. Цветы. Музыка. – Он смотрел перед собой, точно замороженный. – Белые розы и Моцарт. Она так любила «Реквием»... – Он усмехнулся. – Помнишь, как она уговаривала тебя выбрать его для вашей свадьбы? Это казалось ей романтичным.

Нам с Кэролайн нравилась не только сама музыка, но и связанные с ней легенды: о загадочном анониме, который заказал «Реквием», и о композиторе, который пытался присвоить шедевр Моцарта после его смерти. Едва познакомившись с Кэролайн, я понял, что за ее обманчиво-оптимистичной внешностью бьется сердце, приверженное всему мрачному и готическому. Но моему отцу было не обязательно знать об этом.

– Спасибо. Сам я не справился бы.

– Разумеется. – Улыбка отца померкла. – Это ты разрешил няне сидеть рядом с Тедди на семейной скамье?

– Да. Тедди привязан к Глории сильнее, чем к любому из нас.

– Ты не подумал о впечатлении, которое это может произвести на людей, Тео. Что, если какой-нибудь репортер снимет, как наемная помощница утешает Тедди во время мессы? Что о нас подумают люди?

– Ты даже не представляешь, как глубоко мне плевать на то, что о нас подумают.

– Зато мне не плевать. Ты мог бы доверить Тедди сестре.

– Джульетте? Да я ей и головастика не доверил бы.

– Ты несправедлив к ней. Джульетта прекрасно ладит с животными. – И он ухмыльнулся так, словно отлично пошутил.

– А где Урсула? – спросил я. Урсула – это моя мачеха и единственный член нашей семьи, чье общество доставляло

мне истинное удовольствие, хотя я не питал никаких иллюзий на ее счет: она была мила со всеми, но только благодаря алкоголю.

– Сегодня утром с ней произошла маленькая неприятность, – ответил отец.

– Что такое?

– Упала и повредила запястье. Харрис повез ее на рентген – надо убедиться, что это не перелом.

Харрис – личный помощник отца и его телохранитель; так сказать, два в одном. Мрачный тип.

– Она была пьяна?

Отец нервно оглянулся – не торчат ли откуда-нибудь длинные уши любопытного репортера – и молча кивнул.

– Я не буду возражать, если ты захочешь уехать пораньше.

– И вознаградить ее за выходку моим отказом от присутствия на похоронах Кэролайн? – Отец покачал головой. – Посмотри, сколько людей пришло: на похоронах моего отца не было больше, а ведь то были самые крупные похороны в истории нашей семьи. Но и тогда среди пришедших не было всей этой великосветской публики. Конечно, отец был богат, но эти смотрели на него сверху вниз. Подумаешь, король мотелей... Таких, как он, в телешоу пачками показывают.

– Не говори о похоронах Кэролайн так, словно это какая-то вечеринка.

– Любые похороны – событие общественное. Люди любили Кэролайн. Конечно, разные подзаборные блогеры часто

называли ее «карабкающейся лозой» – за происхождение, – но и оно не отменяло ее внутреннюю порядочность и доброту. Кэролайн была хорошим человеком. В сочетании с большими деньгами – гарантия успеха. И будь у ее родни проблем больше, чем багажа на борту «Боинга-777» на маршруте в «Дисней Уолрд», это все равно ничего не изменило бы. – Он состроил гримасу. – Надо было поручить Харрису купить ее отцу костюм. Видел, в чем он явился? Похоже, что одеяла для космонавтов шьют из той же ткани... Можно даже не беспокоиться насчет фото, его блеск всех ослепит. Он идет на ланч?

– Пожалуйста, прояви уважение к родственникам Кэролайн, – сказал я вслух, хотя в голове у меня засела совсем другая фраза, произнесенная отцом. «Она была хорошим человеком».

– Я никогда не проявлял к ее родственникам ничего, кроме уважения, сын. – Отец нахмурился и отошел от меня, качая головой.

«Я больше не хочу быть твоей женой. Разве это так трудно понять, Тео? Уходи из моего дома...»

Замешкавшись у выхода из алькова, я поборол попытку мозга заново преподнести мне картину того, что было потом, и чуть не задохнулся от напряжения.

– Начинать? – спросил меня священник.

– Мне нужно побыть в одиночестве, – ответил я. – Здесь есть место, где мне никто не помешает?

– Разумеется. Идемте. – Мы нырнули под какую-то низкую арку и оказались у небольшой запертой двери. Священник открыл ее, за ней оказалась часовня. Перед статуей, изображавшей прекрасную женщину с глубоко печальным лицом, горели свечи.

– Здесь вы можете пробыть столько, сколько вам потребуется, – сказал священник.

– Спасибо.

И он закрыл за мной дверь. Какое-то время я стоял неподвижно, ожидая, пока уляжется паника. Меня трясло так, словно я оказался в холодильнике. Как же мне пережить эти похороны, не говоря уже обо всем остальном? Этот день, как и день перед ним, казался мне бесконечным; такими же, наверное, будут и все последующие. А ведь надо еще как-то объяснить смерть Кэролайн нашему сыну...

«Кэролайн была хорошим человеком», – так сказал мой отец. Но он ошибся. Она выстроила впечатляющий фасад и обманула многих, скрывая за ним жесткую и порочную натуру.

Дрожь в руках отдавалась по всему моему телу. Сделав шаг к статуе, я упал перед ней на колени, словно для молитвы, хотя никаких слов, чтобы обратиться к высшим силам, у меня не было. Меня воспитывали нерелигиозные люди, так что я даже не знал, кто передо мной. Дева Мария? Или какая-нибудь местная святая, чьи глаза с надеждой устремлены к иному миру, поскольку этот мир не сулит ей ничего,

кроме боли? Ну и пусть, а вот мне как раз больше нравились язычки пламени многочисленных свечей вокруг статуи, которые мигали, словно маяки в шторм.

«Я полон скрытых страхов», – прошептал голос внутри меня. Эти слова я услышал не от Кэролайн, этот голос раздавался в моем мозгу задолго до нее.

И я готов был на все, лишь бы заставить его молчать.

Вытянув левую руку, я накрыл огонек ладонью. Острый зуб пламени исчез, успев так укусить меня напоследок, что слезы навернулись на глаза. Резкая боль прошла сразу, но оставила по себе пульсирующее жжение, которое отвлекло меня от всяких мыслей. Я потянулся ко второму огоньку, потом к третьему... Я пытался заставить себя перестать, но не мог. Лишь когда все свечи погасли, а воздух в часовне заполнил синеватый дым и жирный сладковатый запах, я встал и молча кивнул мраморной женщине – спасибо. И вышел, чувствуя в себе силы произнести похвалу жене.

Глава 5

Дейрдре

Пару раз вдохнув от самой диафрагмы, я все же набрала его номер. И, как только в трубке раздался голос зятя, выпа-

лила:

– Привет, Тео, это Дейдре. Не заедешь за мной по дороге на кладбище? – От этих слов меня саму покорило: я терпеть не могу просить одолжений. Любая дура может взять такси и доехать до Гринвуда, но для меня это был предлог побыть с Тео наедине. Ничего лучше я не придумала.

– Я сам только что вышел из ресторана, но где-то здесь должна быть заказанная для тебя машина, – ответил Тео. – Сейчас я узнаю, где она.

– Я не пошла на ланч. Вернулась домой. Ты не подберешь меня на Квинс-Плаза?

– А что случилось? Тебе стало плохо?

– Все в порядке, Тео. Просто я хочу, чтобы ты меня подвез. – Это же не для меня, а для Каро. – Нам надо поговорить.

– Не отключайся. – Где-то рядом с трубкой раздались голоса, но слов было не разобрать. Вернулся голос Тео: – Мы едем через Квинсборо-Бридж. Я напишу тебе, когда будем подъезжать к Квинс-Плаза.

И он сдержал слово. К тротуару подъехала черная машина, я запрыгнула внутрь и буркнула:

– Спасибо, что согласился меня подвезти.

– Ты точно в порядке? – спросил Тео, по-настоящему встревоженный. Я даже поежилась под его пристальным взглядом.

– Нет, – созналась я. – Такое чувство, точно весь мир сломался. Я все время думаю, что, может, это кошмар и я сейчас

проснусь. Не верится, что ее больше нет.

– Мне тоже, – сказал Тео. – Я всю ночь не спал.

В церкви я видела зятя только издали, и он показался мне таким же, как всегда: безупречный костюм, прямая спина, лицо одновременно привлекательное и холодное, точно маска. Теперь, разглядев его вблизи, я поняла, как он измучен: под глазами залегли фиолетовые круги, лицо стало изжелта-бледным. Губы сложились в тонкую линию, а скулы напряглись так, что я прямо готова была услышать, как он скрипит зубами. Опустив глаза, я уткнулась взглядом в его руки. Одна ладонь была вся в красных волдырях.

– Что у тебя с рукой? – спросила я.

Он застыл, но тут же повернул руку ладонью внутрь.

– Ничего. Наверное, отбил об того типа, который лез к Тедди.

Я тут же поняла, что Тео врет. Да, костяшки у него слегка распухли – такое вполне может быть, когда крепко врежешь кому-то кулаком, – но при чем тут ладонь? И вообще, таких ярких алых ран от ударов не бывает. У меня пропал дар речи, и я молча глядела на его руки, на старый шрам, змеившийся из-под манжеты. Правда, я видела только его край, но и этого было достаточно, чтобы я вспомнила статью, которую написала о нем сестра. Собственно, с этой статьи у них все и началось. Помню, в ней был описан жуткий случай: в детстве Тео сунул руку в клетку какому-то крупному зверю – не то льву, не то тигру, – и тот схватил ее. Надо найти ее и

перечитать, как только появится время.

А пока нужно задать ему мои вопросы. Вот только я не знала, с чего начать. Наконец решилась:

– Хорошая была служба...

– Правда? – Он нахмурился. – Тебе понравилось?

– Нет, я вообще терпеть не могу такие сборища. Но Каро оценила бы.

Тео вздохнул.

– Мой отец тоже так считает. Это он все устроил, продумал каждую мелочь.

– Как прошел ланч?

– Как в аду, только компания похуже. Отец заказал *religieuses au chocolat* на десерт. Это такие двухэтажные эклеры, которые, по-моему, любила только Каро. – Тут я не могла с ним не согласиться – гадость кошмарная, но сестра их обожала.

– Хорошо, что я не пошла.

– Жутко было сидеть там и видеть, как люди, которых пригласили на службу, жуют и наслаждаются жизнью. Для них это была просто еще одна вечеринка, и всё. – Он отвернулся к окну.

– Не понимаю, как Каро их всех терпела, этих типов. – Я вспомнила, чем меня всегда привлекал Тео: он тоже был мизантропом, как и я. – А мой отец тоже там был?

– Был. – Он снова повернулся ко мне: – Ты из-за него не пошла?

Я дернула плечом.

– Отчасти.

– Ты с ним так и не разговариваешь?

Я помотала головой:

– Не-а.

– Последние два года я тоже почти не разговариваю с отцом. Но с тех пор, как умерла Каро, он снова втянул меня на свою орбиту.

– А вы почему не разговаривали?

– Он не может простить мне, что я ушел из семейного бизнеса. До сих пор называет мой выбор «предательством». А вы почему?

Но мне не хотелось пускаться в объяснения, особенно в день похорон сестры.

– Мы с отцом никогда не ладили. – Вообще-то это была не совсем правда, но ничего, сойдет.

– С родителями много кто не ладит, но не все уходят из дома в пятнадцать лет, – возразил Тео. – Он пил, в этом было дело?

– Каро тебе рассказывала?

– Я знаю, что он из тех, кто распускает руки, – ответил Тео. – Не с тобой и не с Кэролайн – по крайней мере, она так говорила, – но он бил вашу мать.

Я кивнула, радуясь, что он все знает и мне ничего не надо объяснять. Сестра всегда защищала отца, поэтому я не общалась с ней несколько лет. Я, конечно, могла кое-что доба-

вить к сказанному Тео, но в тот момент мне не хотелось даже открывать рот на эту тему.

— Кэрлайн говорила, что у него были проблемы с алкоголем, поэтому он бил мать, — продолжил он. — Но она клялась, что это в прошлом. Я верил ей, иначе и близко не подпустил бы его к Тедди.

— Конечно, во всем виноват алкоголь, — буркнула я. Как это типично для Каро: алкоголь — зло, а тот, кто заливает его в себя галлонами, чист, как ангел... Я кашлянула. Пришла пора трудных вопросов. — Тео, один репортер на похоронах намекнул мне, что Каро могла принимать наркотики. Я знаю, это безумие, но...

— Она принимала лекарства. Разные. Ей прописал их врач. Пока неясно, могло ли какое-то из них плохо повлиять на сердце.

В его тоне я уловила желание оправдать себя и жену — и сразу напряглась.

— А что именно она принимала?

— С тех пор как родился Тедди, она пила антидепрессанты. Еще что-то от бессонницы, тревоги и головных болей... Да, и от изжоги.

О том, что Каро страдала от мигреней и послеродовой депрессии, я тоже знала, но во все остальное верилось с трудом. Сестра никогда не жаловалась на здоровье.

— И когда она начала принимать лекарства от тревоги?

— Не знаю. Она не обсуждала это со мной.

– А как насчет запрещенных...

Тео перебил меня, не дав даже закончить:

– Каро никогда не стала бы принимать ничего такого, я уверен. Насколько мне известно, крепче красного вина она ничего в рот не брала.

– Вообще-то я имела в виду не сестру, а тебя, – выпалила я, надеясь пробить его фасад спокойствия. – Раньше ты ведь был наркоманом, да? А в последнее время как?

– Нет, с этим давно покончено.

Он посмотрел на меня с нескрываемым удивлением. Оно и понятно: Тео не видел, в какого зверя превращался мой отец, стоило ему пропустить лишнюю рюмку; так откуда ему было знать о моих подозрениях – вдруг и он тоже, когда выпьет или уколется, становится эдаким вервольфом? К тому же я до сих пор не могла примирить в своем сознании две ипостаси Тео: принципиальный парень, сотрудник благотворительной организации, которая выявляет и возвращает на родину краденые артефакты, и тот, о ком писала мне Каро.

– За ланчем я выпил двойной скотч, – смущенно добавил Тео. – Боялся, что иначе не выдержу.

Он говорил искренне, но я решила не верить ему на слово.

– У тебя, наверное, есть копия отчета о вскрытии. Не покажешь?

– Никакого вскрытия не было.

Я даже подпрыгнула. Внезапная смерть сестры потрясла меня настолько, что мне и в голову не приходило задавать

вопросы. А потом я получила письмо. Ее письмо. Которое все изменило.

– Но почему? Разве это не обязательная процедура в случае внезапной смерти?

– Только при подозрительных обстоятельствах.

Я с трудом сглотнула.

– А их не было, Тео?

Он ответил мне равнодушным взглядом.

– Чего не было?

– Подозрительных обстоятельств. – Я подалась к нему. – Может, ее убили?

Несколько мгновений мы с Тео напряженно смотрели друг на друга. Потом он небрежно поправил запонку, и я снова увидела на его запястье шрам. Каро мало рассказывала о муже, но намекала, что он весь исполосован шрамами.

– Думаешь, тот тип, с кем она встречалась, что-то с ней сделал? – спросил Тео.

Такого поворота я не ожидала. Я была готова к любой его попытке развеять мои сомнения, но не к тому, что он станет изобретать подозреваемого.

– А с кем она встречалась?

– В то утро Каро не просто отправилась на пробежку, – сказал Тео. – Ты ведь это знаешь, правда? У нее была назначена встреча.

Он говорил спокойно, но его слова врезались мне прямо в сердце. Мой зять только что обвинил мою покойную сестру

в обмане – возможно, даже в измене.

– У нее никого не было, – выпалила я. – Она никогда не поступила бы так с тобой.

– Она хотела развестись, – парировал Тео. – Зачем тогда ей развод, если у нее никого не было?

Тут уже я уставилась на него, как ошалелая. Сиплю каркнула:

– Развод?

На лицо Тео легла тень.

– Я думал, ты знаешь... – Он опять отвернулся к окну. – Но Кэролайн, видимо, никому не раскрывала свои карты. Даже тебе. Она что, вообще никому не доверяла?

– А когда ты об этом узнал?

– Пару месяцев назад.

– И ты был готов развестись?

Тео ответил так тихо, что я еле расслышала:

– Нет.

Машина подпрыгнула, и я осознала, что мы проехали широкие роскошные ворота кладбища Гринвуд в Бруклине. «Сейчас или никогда», – мелькнула у меня мысль. Все равно никакого более изящного способа я не придумала.

– Может быть, Каро захотела развестись, когда узнала о твоей первой жене? – выпалила я.

– Что ты сказала?

– Твоя первая жена тоже похоронена на семейном участке Трэкстонов?

Несколько секунд Тео прямо ел меня глазами.

– Так жена все же была, раз ты ничего не отрицаешь? – повысила я голос.

Он посмотрел на часы, затем в окно. Мне хотелось схватить его за лацканы дорогущего пиджака и встряхнуть так, чтобы правда выскочила из его черепушки, как горох.

– Где похоронена твоя первая жена, Тео?

– Какое тебе до этого дело?

Его ответ развеял мои последние сомнения. Сестра не сошла с ума. Предыдущая миссис Тео Трэкстон действительно существовала, но, видимо, унесла свою тайну в могилу.

– Я просто не знаю, что думать, Тео. Каро мертва. Твоя первая жена – тоже. Неужели полиция не увидела тут подозрительного совпадения?

В один миг между нами как будто выросла ледяная стена. Я поняла, что Тео больше никогда не захочет говорить со мной. Ну и пусть. Он уже сказал достаточно.

Машина остановилась, и Тео вышел, громко хлопнув дверцей. Конечно, мне следовало бояться его гнева, того, что он может сделать со мной, а главное, того, что может сойти ему с рук, – но в тот момент холодная ярость подпитывала мое бесстрашие. Он убил мою сестру. Значит, я должна добиться справедливости, даже если это будет стоить мне жизни.

Глава 6

Дейрдре

На кладбище было как на минном поле: с одной стороны в меня метал гневные взгляды Тео, с другой – едва сдерживал злость мой отец. Я обрадовалась, когда ко мне подошел отец Тео.

– Как держишься, Дейрдре? – спросил он.

Трэкстон-старший был элегантным мужчиной – я еще ни разу не видела его иначе, как в костюме с галстуком. Ростом он уступал сыну, глаза у него были не синие, а голубые, и волосы седые, а не черные, но в целом эти двое здорово походили друг на друга внешне. Зато различались характерами: Тео был замкнут, что называется, весь в себе – а вот его отец, напротив, открыт и всегда готов к общению.

– С трудом, – честно призналась я, но не стала добавлять, что причиной моего неважного самочувствия во многом является его сын, – не хотела, чтобы Тео слышал.

– Я тоже, – ответил Трэкстон-старший. – Приходи навесить нас, когда захочешь. Буду рад видеть тебя.

– Боюсь, что ваш сын не обрадуется, если я приду.

Отец метнул взгляд на сына.

– Ему право голоса не давали. К тому же его я и не зову. Я думал пригласить тебя к нам отобедать со мной, Тедди и Урсулой.

Урсулой звали мачеху Тео. У нее были серьезные проблемы с алкоголем, из-за чего я всегда ее побаивалась, но, сказать по правде, она еще ни разу не сделала мне ничего плохого.

– Конечно. С удовольствием. – Я оглянулась. – Тедди сейчас с вами?

– Нет. Я решил, что для малыша это будет слишком.

Я согласно кивнула. Для меня все это тоже было слишком.

Началась служба; ее вел тот же священник, что и в церкви. Чтобы не думать о том, как мою сестру опускают в сырую, полную червей землю, я стала разглядывать Тео, который не сводил глаз с каменного ангела, стерегущего семейные могилы. Ангел был девушкой: неизвестный мастер так постарался, вырезая ее платье и крылья за спиной, что на них были видны каждая складка и даже рисунок каждого перышка. Ее лицо было опущено, слезы готовы были пролиться на блок белого мрамора с крупной надписью «ТРЭКСТОН». Каждая могила была отмечена небольшой каменной табличкой.

Когда гроб Каро опустили в могилу, члены семьи должны были осыпать его розовыми лепестками, но никто не захотел это делать. Тео даже не подошел к яме, его отец и мой отец тоже держались поодаль. Я поняла, что на кладбище не хватает Джульетты: это было в ее духе – отказаться ехать в

Бруклин. В общем, лепестки сыпали я и Джуд Лазаре, подружка Каро. Мы бросали их в могилу горстями, а они липли к полированной крышке гроба из красного дерева и тоже казались красными.

«Как кровь», — подумала я.

Едва короткая церемония завершилась, мой отец повернулся к могиле спиной и бросился вон с кладбища. Даже не задержался, чтобы сказать священнику пару слов — значит, сильно расстроен. Повертев головой в поисках кого-то, с кем можно поговорить, я остановила свой выбор на Джуд. Она стояла на пригорке, которых в Гринвуде полно, и разговаривала с какой-то женщиной. Я пошла к ним, и тут заметила мужчину — тот стоял неподалеку и явно наблюдал за похоронами. Незнакомец был высокого роста, светловолосый, в джинсах и в серой рубашке. Черные очки скрывали верхнюю часть лица. Я ожидала увидеть в его руках камеру, но он стоял, сунув их в карманы. Каро, конечно, не была знаменитостью национального масштаба, но в Нью-Йорке ее хорошо знали, так что ее похороны могли представлять известный интерес для таблоидов.

Странно, я как будто уже видела этого человека раньше, хотя не могла вспомнить, где. В нем определенно было что-то знакомое. Но он, увидев, что я приближаюсь, как будто смутился, повернулся ко мне спиной и пошел прочь, почти побежал.

Инстинктивно я двинулась за ним. Обвинения Тео были

еще слишком свежи в моей памяти. Не может быть, чтобы Каро его обманывала. Моя сестра ни за что не поступила бы так бесчестно.

Тут я услышала голос Джуд – и буквально застыла на месте.

– Она сходила с ума, ей нужна была помощь. – Джуд говорила, стоя ко мне спиной, но ветер доносил до меня ее слова так ясно, как если б она обращалась прямо ко мне. – Но не такая, какую оказываешь ты.

Ее собеседница была афроамериканкой, высокой и гибкой; ее волосы с проседью были уложены в высокую прическу. Она говорила так тихо, что я разбирала примерно каждое пятое слово, не больше. «Не... помощь... дать... забыть...» М-да, так много не узнаешь.

– Это неправда, и ты не должна была ее поощрять.

Я шагнула к ним и успела услышать обрывок ответной реплики афроамериканки:

– ...слушала ее.

Наверное, мое движение привлекло внимание Джуд, потому что та тут же повернулась мне навстречу.

– Дейдре, – сказала она, делая ко мне шаг и неловко обнимая меня одной рукой. – Как ты?

– Вы – сестра Кэролайн? – Вторая женщина тоже повернулась ко мне и смотрела на меня теплым заинтересованным взглядом. – Для меня честь встретиться с вами. Кэролайн вас просто обожала.

У меня в горле встал ком.

– Спасибо.

– Я Адина Герштейн, – сказала она, сложив руки лодочкой и приблизив их к груди, точно в молитве. С тех пор как началась пандемия, многие стали использовать этот жест для приветствия, и мне он нравился даже больше, чем традиционное рукопожатие. – Сказать не могу, до чего мне жаль Кэролайн. Необыкновенная была женщина.

– Нам с Дейрдре нужно поговорить, – сказала Джуд. – Извини нас, пожалуйста.

– О, конечно. – Адина тихо отошла, оставляя нас наедине.

– Прости, что я не подошла к тебе в церкви, – начала Джуд. Ее карие глаза покраснели, но в остальном она выглядела превосходно: простое черное платье, пиджак, темные кудри убраны в свободный пучок на затылке. Из украшений лишь скромный серебряный крестик. Джуд родилась на Гаити, но ее детство прошло в Квинсе; с Каро они дружили со средней школы. – Как ты, держишься? Только скажи правду, не сочиняй.

– Что это за женщина? – спросила я вместо ответа.

– Это Адина, она руководит «Диотимой», – сказала Джуд. – Кэролайн много помогала им, еще с колледжа.

Название я узнала сразу – «Гражданское общество Диотима» не сходило у Каро с языка, – но теперь меня интересовало кое-что другое.

– Почему ты сказала, что Каро сходила с ума?

– О, нет, я вовсе не... в общем, это не Каро. Прости меня, Ди, но тебе показалось.

– А. – Я чувствовала себя глупо. Видно, столкновение с Тео не прошло для меня даром – я ищу подвох в каждом слове.

– И, знаешь, пожалуй, я тебя расстрою, – продолжила Джуд. – Но твой отец просил меня передать тебе это, и я ему обещала.

Она протянула мне руку – на ладони лежала квадратная коробочка из обычного коричневого картона.

– Что бы это ни было, мне это не нужно, – сказала я.

– Ты даже не откроешь?

– Нет. – Я ничего не хотела брать от отца и никому не собиралась объяснять почему. Хотя Джуд и была ближайшей подругой Каро, та вряд ли посвятила ее в то, что такое мой отец на самом деле, иначе она с ним не разговаривала бы. – Но мне нужно кое о чем тебя спросить. Ты знаешь, что Тео был женат раньше?

– О чем ты говоришь?

– У него была жена. Каро никогда об этом не говорила?

Лицо Джуд выразило замешательство вперемишкy с любопытством.

– Ни слова. Так Тео разведен? – спросила она с ужасом. Джуд была воспитана в католической вере, и ее набожность порой проявлялась в самые неподходящие моменты. По-хорошему, надо было показать ей письмо Каро, но мне не хо-

телось заводить о нем речь, пока вокруг бродили Трэкстоны и их окружение.

– Нет, первая жена тоже умерла, – ответила я. – Я спросила о ней Тео – так он унесся, не сказав ни слова.

– Имей к нему снисхождение – у него такое горе...

– Он привез меня сюда и, пока мы ехали, только что не напрямую обвинил Каро в измене.

– Какой ужас, – прошептала Джуд. – Но что он сказал?

– Что у нее было свидание с мужчиной в то утро, когда она умерла. Представляешь? Чушь какая!

– Ты права. – Джуд пару раз моргнула. – Конечно, чушь.

Ее реакция меня встревожила: слова словами, но, похоже, сама идея не казалась ей такой уж безумной.

– Так что, Каро правда с кем-то встречалась?

Джуд серьезно задумалась.

– Она никогда ничего такого не говорила, но вообще-то ее и Тео практически ничего не связывало, кроме Тедди. Они жили каждый своей жизнью.

– И когда это началось?

– По-моему, через год после рождения Тедди. Как раз когда Тео оставил семейный бизнес.

– Вот и мне так кажется, – согласилась я. – Каро сказала тогда, что Тео считает себя выше своей семьи, а я подумала, что искать пропавших идолов, как это делал Индиана Джонс, куда круче, чем управлять сетью отелей.

– Тео больше заседает с разными директорами, чем быва-

ет в древних храмах, – сухо сказала Джуд. – У Кэролайн было такое чувство, будто он бросил ее в беде.

– Это из-за послеродовой депрессии?

– Она боролась с ней, как могла, – ответила Джуд. – Рассказывала, что ей помогают свекор и свекровь, но не Тео. Он хотел, чтобы она везде ездила с ним. Ребенка в охапку – и вперед. А еще он хотел, чтобы она перестала работать в компании его отца и снова вернулась в журналистику. Но Кэролайн нужна была помощь. Родственники Тео ее поддерживали. А сам Тео – нет.

В словах Джуд была правда. Сестра Тео никогда пальцем о палец для Каро не ударила, но вот отец и мачеха помогали как могли. И Каро искренне их любила.

– Как ты думаешь, Тео мог причинить Кэролайн вред?

– Физически? Нет.

Меня так и подмывало показать ей письмо Каро. «Так почему не покажешь?» – спросила я себя. Не хотелось полоскать семейное грязное белье на публике, вот почему.

– А ты знаешь, что Каро хотела подать на развод? – спросила я.

Джуд молча поджала губы. У нее зазвонил телефон.

Я остолбенела от изумления.

– Ты знала?

Джуд тронула меня за руку.

– Кэролайн взяла с меня клятвенное обещание никому не говорить, – объяснила она. – И клятва остается в силе даже

теперь, когда ее нет. — Она взглянула на телефон. — Извини, мне пора. — Джуд работала в мэрии, и поэтому ей вечно надо было присутствовать как минимум в двух местах сразу.

Она снова неловко обняла меня.

— Если тебе что-нибудь понадобится, звони в любое время, ладно? — И добавила: — Пожалуйста, береги себя, Ди.

Джуд зашагала по зеленой траве прочь с недюжинной скоростью, учитывая, что на ногах у нее были шпильки. Глядя ей вслед, я думала, что ничуть не удивилась бы, если б оказалось, что ей сестра рассказывала куда больше, чем мне. В конце концов, они с Каро всегда были лучшими подругами, а я — только младшая сестра, которую Каро к тому же не видела несколько лет. Мы с ней, правда, подлатали дыру в наших отношениях, но причина наших разногласий осталась. И хотя я обычно притворялась, что все это неважно, на самом деле провал в несколько лет между нами всегда оставался ощутимым и причинял мне боль.

Глава 7

Дейрдре

С кладбища я ушла последней. Все уже давно смылись, а я все наблюдала издали за могильщиками, которые лопату за

лопатой бросали в яму грунт, заполняя пустоту вокруг гроба Каро. Мне хотелось плакать. Зря я не показала письмо сестры Джуд, надо было решиться и сделать это. Но мне все еще не верилось, что меня не разыгрывают. Я достала телефон и перечитала письмо.

По-хорошему, с ним надо было, конечно, идти к копам. Но с полицией Нью-Йорка я столкнулась еще подростком, и они произвели на меня такое отвратное впечатление, что я поклялась себе не иметь с ними дела никогда. И то сказать: ну принесу я им это письмо, и что? Они только смеяться будут. Им нужна информация, добыть которую я должна сама.

Значит, придется начать со «Склепа Озириса». После текста Каро шла стандартная юридическая тарабарщина насчет тайны переписки и удаления последующих сообщений, что в данном случае выглядело плохой шуткой. Промотав еще дальше, я нашла адрес компании в Бронксе и сразу направилась к ближайшей станции метро, миновав по пути множество контор, предлагавших резьбу по камню и иные ритуальные услуги. Вот уж кому пандемия пришлась на руку, так это гробовщикам... Поезд R довез меня до Манхэттена, где на «Юнион-сквер» я пересела на экспресс 4 и поехала на север.

Метро выплюнуло меня у «Янки Стэдиум»⁴. Ходили слухи, что матчи вот-вот возобновятся, но пока и сам стадион, и все его окрестности выглядели до того безлюдными,

---

⁴ Знаменитый бейсбольный стадион в Бронксе, домашняя арена команды «Нью-Йорк янкиз».

как будто здесь тайком взорвали нейтронную бомбу. Первые два квартала к востоку казались совершенно безжизненными: витрины заколочены, кое-где печально покачиваются на ветру вывески ресторанов. Признаки жизни появились только по ту сторону Уолтон-стрит: в парке Джойс Килмер сидели и прогуливались вокруг фонтана молодежь и люди постарше, а на ступеньках величественного здания суда Бронкса собралась целая толпа. Но дальше все снова как вымерло. Даже тротуары имели такой вид, будто по ним уже года три не ступала нога человека: бетонные плиты потрескались, в щелях проросла трава. Я свернула налево, на Шеридан-авеню: заколоченных витрин там было меньше, зато больше поручительских контор. Но в целом пустыня была такая, что я не удивилась бы, вылетев мне навстречу из какого-нибудь переулка куст перекасти-поля.

— А как еще должно выглядеть место, откуда рассылают письма покойников? — подумала я вслух.

Входная дверь офисного здания была, разумеется, на замке. Еще бы — в таком районе, как этот, и пакет чипсов свистнут, если его не запереть как следует. Из стены у двери торчала ржавая кнопка звонка, рядом висел список компаний с номерами офисов. Судя по его виду, в последний раз список обновляли примерно в год моего рождения, когда какая-то деловая колбаса, выслуживаясь перед начальством, раздобыла принтер для печати этикеток. Кстати, «Склеп Озириса» в списке не значился, зато был какой-то Джой Спа. Я стала

тыкать во все кнопки подряд, пока в интеркоме не забулькал человеческий голос.

Меня впустили.

Я вошла – и едва не ослепла от яркой желтизны стен. В их жизнерадостности сквозило что-то безумное, как будто тот, кто выбрал такую краску, был уверен, что это привлечет в дом солнце. Берлогу «Озириса» я углядела сразу: на их входной двери красовалось увеличенное фотоизображение мертвого бога – такого же, как в письме, только зеленее. Дверь запиралась на цифровой замок. Я машинально нажала 9-5-7 – этот код придумал для такого же точно замка мой начальник: именно эти три цифры располагались на цифровой панели треугольником, удобным для пальцев. Замок тихо щелкнул, и я потянула на себя дверь.

Переступив порог, я чуть не села: стены приемной выглядели так, словно их щедро облили кровью марсианина. В соседней комнате, где с легкостью разместились бы человек двадцать, теперь сидели семеро – социальная дистанция – и самозабвенно стучали по клавиатурам. На стене красовался силуэт Озириса, нарисованный по тому же самому трафарету. Похоже, кому-то в фирме он очень нравился.

Никто даже не заметил, как я вторглась в их святая святых – наверное, потому, что все работали в наушниках. Я не спешила заявлять о себе, а пару минут внимательно разглядывала этих «рабочих пчелок» и думала. Ни одна мало-мальски приличная айтишная компания никогда не выдаст личную

информацию клиента иначе как по решению суда. Значит, мне нужен союзник – тот, кто сообщит мне желаемое из со-
страдания или симпатии ко мне лично. Мой выбор остано-
вился на женщине с карамельно-розовыми волосами и мас-
сивным серебряным кольцом в носовой перегородке.

– Привет, – начала я. – Меня зовут Дейрдре Кроули. Я
получила сообщение от сестры через «Склеп Озириса». Вы
не можете мне узнать...

– Ноа! – заорала женщина, даже не поднимая глаз. – Еще
одна!

Из-за перегородки в дальнем конце комнаты вынырнула
мужская голова.

– Чем могу помочь?

– Я получила сообщение от сестры, Кэролайн Кроули-Тр-
экстон, – снова начала я, решив назвать обе ее фамилии сра-
зу – вдруг одна из них освежит его память. – Она умерла на
прошлой неделе.

– Соболезную, – слово скользнуло с его губ медленно, как
капля тягучей патоки. – Я Ноа, комьюнити-менеджер.

Он выскользнул из-за перегородки – костлявый парнишка
с рыжими волосами торчком, выстриженными площадкой на
макушке. Его лицо украшала острая козлиная бородка, отче-
го голова спереди походила на равнобедренный треугольник
вершиной вниз. Образ довершали очки в массивной черной
оправе, кольцо в брови и татуировка мандалы на предплечье
– короче, типичный хипстерский образ.

– Дейдрдре Кроули, – я сделала к нему шаг.

– Эй, эй, – Ноа вскинул руки так, будто я пригрозила ему ножом. – Не так близко... Вот так.

– Хорошо, хорошо. – С тех пор как началась пандемия, люди нервничают, когда кто-то нарушает их личное пространство. Две или три «рабочие пчелы» оторвались от своих клавиатур и даже стянули наушники. – В общем, я здесь из-за сестры. Сегодня я была на ее похоронах – и получила от нее сообщение. В нем сказано, что если она умерла, значит, ее убил муж.

– Подождите, я дам вам бланк.

– Наверное, я неясно выразилась. Сестра написала мне, что муж хочет ее убить, и умерла. – Я сглотнула. Идя сюда, я старательно подбирала слова, чтобы рассказать все спокойно, без эмоций. Но совсем не рассчитывала, что здесь мне придется заполнять какие-то бланки.

– Погодите. – Ноа шмыгнул за перегородку, выскочил с листом ярко-зеленой бумаги и швырнул его мне: – Вот что вам нужно.

Я поймала листок в воздухе.

– Не исключено, что мою сестру убили. Она написала...

– Заполните бланк. – В лице Ноа не дрогнул ни единый мускул.

– В сообщении сказано, что ее муж, Тео Трэкстон, убил свою первую жену. Раньше я даже не слышала, что у него была жена. И никто о ней не слышал. Но это правда.

– Заполняйте.

Мышцы по всему моему телу как будто завязались в тугие узлы. В отчаянии я почти взмолилась:

– Скажите хотя бы, когда было создано ее сообщение?

– Мы не вправе выдавать информацию о клиентах. Это нарушение конфиденциальности.

– Но ведь она умерла.

Ноа пожал плечами.

– И чем мне поможет ваш бланк? – спросила я.

Ноа вздохнул так, словно разговаривал с тупицей.

– Мы проверим наши архивы и решим, какую информацию можем выдать.

Не скрывая разочарования, я вынула из сумки ручку. Вопросы в бланке были типичные: мое имя и адрес, имя и адрес моей сестры, причина запроса. Объясняя причину, я написала: «Моя сестра убита». Взяв у меня бланк двумя пальцами, Ноа держал его на отлете.

– Хорошо. А теперь идите. Ответ придет в течение тридцати дней.

Я даже поперхнулась.

– Тридцати дней?

– Послушайте, мы занимаемся хранением цифровой информации и гарантируем нашим клиентам полную конфиденциальность, – начал Ноа. – Мы не раздаем сведения о них первому, кто зайдет с улицы.

– Но в сообщении сказано, что во вложении есть файлы...

– Так посмотрите их.

– Я смотрела – и ничего не нашла!

– Значит, у вас нет права открывать их, – сказал Ноа. –

Это тупик.

– Я решила обратиться сначала к вам, а потом в полицию, – сказала я, надеясь, что это подстегнет его к действию. – Хотите, чтобы они заявили сюда сами?

– Пусть приходят, я попрошу их заполнить бланк. – И Ноа захлопнул дверь у меня перед носом.

Я прислонилась к стене, борясь с дурнотой. Видимо, я обманулась, считая, что люди, едва услышав о трагической гибели моей сестры, тут же бросятся мне на помощь. Если и остальные поведут себя как Ноа, то надеяться мне не на что. А я-то уже размечталась, навоображала себе, как найду улики, принесу их копам и заставлю их заняться Тео. Но правда, от которой я пыталась убежать, догнала меня: я понятия не имела, что мне делать.

Из офисного здания я выходила, поджав хвост. Оказавшись на растрескавшемся тротуаре, не сдержалась и пнула ногой стену, потом еще раз и еще, пока нога не заболела. «Заставь его ответить за мою смерть, чего бы это тебе ни стоило», – написала мне Каро. Моя сестра верила в меня, но, похоже, напрасно.

Прихрамывая на ноющую ступню и чувствуя себя последней душой, я поплелась прочь, в направлении 161-й улицы. Через квартал слышала за спиной шаги. Обернулась – за

мною спешил толстый парень.

– Подожди! – крикнул он и взмахнул рукой.

– Жду, – отозвалась я.

Этого парня я только что видела в офисе: он сидел в тесной кабинке, откуда торчала его бритая макушка да спина, обтянутая футболкой с надписью *Rough Trade*. Пока он шел ко мне, я разглядывала картинку у него на груди: что-то вроде обложки альбома с изображением двух андрогинных фигур, одной черной, а другой в белом костюме. Когда он поравнялся со мной, я поняла, что фигура в белом – женщина, причем невероятно привлекательная.

Парень проследил мой взгляд.

– Кэрл Поуп. Мой кумир.

Имя было мне незнакомо, но я кивнула:

– Классная футболка.

– Ноа – гад, – выпалил парень, слегка запыхавшись. – Он обозвал тебя стервой и разорвал твоё заявление, когда ты вышла.

– Зря я не дала ему в глаз... Может, вернуться и исправить ошибку?

– Ему и не такое с рук сходило, он же братишка шефа. – Парень продолжал пыхтеть. – Надо гулять почаще... Кстати, я Тодд.

– Дейдре.

Он протянул мне лист, сложенный вдвое:

– Вот, я тебе распечатал.

Я развернула листок. «Кэролайн Кроули – аккаунт создан 3 апреля в 15:25».

– За две недели до смерти, – сказала я. – А это что за цифры?

– Люди обычно создают аккаунт, а потом заходят еще несколько раз, правят сообщения, – начал Тодд. – Твоя сестра заходила несколько раз третьего и четвертого апреля, потом одиннадцатого, один раз, потом не появлялась до пятнадцатого.

Я пробежала глазами столбец с датами и едва не задохнулась, увидев последнюю.

– Пятнадцатое апреля, пять семнадцать... Это же время ее смерти. – Я вытаращила глаза. – То есть сестра отправила мне сообщение прямо перед смертью?

– Написала она его раньше, – сказал Тодд. – Но были там какие-нибудь ранние версии или нет, я не знаю. Такая информация хранится на сервере, но чтобы извлечь ее оттуда, требуется постановление суда.

– А почему я получила письмо только через неделю после ее смерти?

– Сработала «кнопка мертвеца».

– Какая кнопка? – Вероятно, вид у меня стал такой, что Тодд отступил на пару шагов и вскинул руки, точно злого духа увидел.

– Только не психуй, – сказал он. – Ты что, никогда такого названия не слышала? Это вроде сигнализации. Пока хозя-

ин заглядывает в свой аккаунт, все нормально. Но если проходит заданное время, а хозяин не появляется, то – бац! – «кнопка» срабатывает, и письмо отправляется куда надо.

– Значит, письмо ушло мне потому, что сестра больше не заглядывала в аккаунт?

– Ну да. Значит, у нее стояла недельная отсрочка.

У меня вдруг так защипало глаза, как будто в них впились невидимые мошки.

– Извини. – Я смахнула непрошеную слезу. – Ты мне так помог...

– Однако есть и плохая новость – «рука мертвеца» стерла все ее файлы, – добавил Тодд.

– Но ведь они хранятся на сервере, и если у полиции будет ордер, то они их получат, верно?

Он покачал головой.

– Мы не зря называемся «Склепом Озириса». Любое дерьмо, которое сдают нам на хранение, запечатано здесь надежнее, чем в банковском сейфе. То же и с этими файлами – их все равно что не было. Больше их никто не найдет.

Я растерялась. Сестра на меня рассчитывала, а я ничего не могу сделать...

– Зато я могу сказать тебе вот что: твоя сестра отправила три сообщения трем людям.

Я задумалась: если Кэролайн написала мне, значит, должна была написать и отцу.

– Дай-ка я угадаю: второе имя Райан Кроули?

– Точно. Я не стал его распечатывать, ведь он твой родственник, и я подумал, что со своими ты как-нибудь разберешься. А мне лишние неприятности ни к чему.

– Понятно, – разочарованно протянула я, но не стала объяснять чужому человеку, что мне проще слетать на Луну, чем прочитав сообщение, посланное Каро нашему отцу. Они двое всегда находили общий язык. И Каро, когда ей нужно было выбирать между ним и мной, всегда принимала его сторону. – А третий, случайно, не Тео Трэкстон?

Тодд пожал плечами.

– Не знаю, может быть. В строке «имя» стоял крестик.

– В смысле, икс? – переспросила я. Насколько я помнила, своего мужа она звала либо Тео, либо Хитклифф.

Тодд снова пожал плечами.

– Я думал, ты знаешь... Я списал адрес, – он протянул мне другую бумажку, – и сообщение.

Дрожащими руками я развернула листок. На нем, черным по белому, было записано третье сообщение Каро:

«Если у меня не получится, сделай это за меня. На тебя вся моя надежда. От этого зависит будущее моего сына».

– Что за черт? – не удержавшись, выпалила я вслух.

– У меня самого волосы дыбом встали, – заметил Тодд. – Жуть какая, а?

Он был прав. Страх камнем сдавил мне желудок. Что затеяла сестра перед смертью?

Глава 8

Дейрдре

В тот вечер мне необходимо было выжечь избыток энергии, и я пошла в додзё, постучать по груше. Занятия уже закончились, но сэнсэй Хигаси держал зал открытым до одиннадцати, специально для тех, кто захочет прийти потренироваться самостоятельно. Он и сам был там – прыгал в углу через скакалку, вертя ее так быстро, что ее не было видно, только слышно, как она задевает за деревянный шершавый пол. Я трудилась над грушей, когда в зал вошла моя лучшая подруга Риган – ее отражение всплыло передо мной в зеркале.

– Как ты узнала, что я здесь? – спросила я.

– А где тебе еще быть в день похорон сестры? – ответила она вопросом на вопрос. – Предсказуемость – твое решающее свойство.

Давным-давно, когда мне и Риган было по семь лет, мы вместе пришли учиться карате именно сюда, в этот простой прямоугольный зал с зеркалами вдоль одной длинной стены. Над зеркалами висела фотография в рамке, с которой смотрел доктор Титоси, основатель школы карате тито-рю. По-

белка как была, так и осталась грязно-серой – частично от старости, а частично из-за сигаретного дыма, который затягивало внутрь с первого этажа, из зала для пула. По стенам висели плакатики с изречениями вроде: «Лишь тот, кто достигает совершенства в простом, легко справится и со сложным». В семь лет я была цинична не по годам и считала такие высказывания заезженными банальностями. С тех пор мое мнение не переменялось.

– Составишь мне пару? – спросила я.

– Что? Драться против тебя, когда ты не в духе?.. Нет уж, уволь. – Риган опустила на пол спортивную сумку, которую до сих пор держала на плече. – Тигрица-мать думает, что ты опять живешь на одних протеиновых батончиках. Боится, что у тебя рахит от них будет. Вот, наготовила тебе всякого...

– Она – лучшая в мире, – сказала я.

– Легко тебе говорить, ты ведь с ней больше не живешь, – возразила Риган. – В прошлую субботу я проспала до восьми утра, так она прочитала мне целую лекцию о том, как я попусту растрачиваю свою жизнь. А когда я напомнила ей, что перед этим отпахала семидесятичасовую рабочую неделю, она толкнула речь на тему, сколько они с отцом вкалывали в моем возрасте.

– Это хорошо, что она такая крутая. – Маму Риган звали Вера, но для меня она всегда оставалась миссис Чен, даже в мыслях. Это была женщина редкостной доброты, но таких

безапелляционных суждений, что у человека непривычного от них захватывало дух. Она и Риган уже давно стали моей второй семьей, а теперь, после смерти Каро, ближе них у меня вообще никого не осталось. Еще в детстве, когда нам с Риган едва исполнилось по десять лет, у ее отца обнаружилась опухоль головного мозга, и Риган практически переселилась к нам. Болезнь протекала мучительно, и два года, до самой его смерти, Риган жила у нас. А позже, когда я порвала с родителями, они с миссис Чен взяли к себе меня.

– Она беспокоится за тебя. – Риган сложила на груди руки. – Ждала, что ты зайдешь к нам после похорон или хотя бы позвонишь... Но я объяснила ей, что ты будешь прятаться от людей, как раненая волчица.

– Дело не только в похоронах. Дело в том, что... – Слова не шли у меня с языка. Риган, хорошо зная меня, даже не пыталась помочь. Она подождала, пока я сделаю пару глубоких вдохов и выдохов и успокоюсь – еще один навык, полученный мной в этом зале. – Как, по-твоему, смерть моей сестры была случайной?

Риган и глазом не моргнула.

– Она умерла скоропостижно, о том, что у нее были проблемы с сердцем, никто не знал. Такая смерть вполне может выглядеть подозрительной.

– Более чем подозрительной.

– Это твои догадки или у тебя есть факты? – Риган работала аналитиком данных, и я еще не встречала человека,

чья личность до такой степени соответствовала бы выбранной профессии. Моя подруга обладала уникальной памятью и могла дословно воспроизвести любой разговор, участником или свидетелем которого она была. А еще у нее была склонность подвергать сомнению любую информацию, которую она добыла не сама, и это иногда раздражало.

Мой телефон лежал у стены, на зарядке.

– Сегодня я получила сообщение от сестры, – сказала я, беря телефон и заходя в почту. Найдя там нужное письмо, показала его Риган.

Она так долго вчитывалась в текст, что я едва не потеряла терпение, а когда подняла на меня глаза, ее брови были нахмурены.

– Судя по слогу, писала твоя сестра, – сказала подруга. – Но ты точно знаешь, что письмо – не розыгрыш?

– Она намекает на то, что случилось с нашей матерью, – раз. – Я загнула палец. – Кто знает об этом, кроме нас двоих? Она называет меня Додо: никто меня так не называл, только она, да и то в детстве, – два. Я выяснила, что ее муж был раньше женат, – три. Что из этого кажется тебе сомнительным?

– Начало письма – «Я часто думаю о маме и о том, как не хочется верить, что и тебя постигнет судьба одного из родителей, пока это не случится» – звучит вполне убедительно. Я прямо слышу голос Кэролайн, – ответила Риган. – Но вот дальше, когда она требует от тебя призвать ее мужа к

ответу, – как, интересно, она себе это представляла? Что ты должна сделать?

Я и сама ломала над этим голову.

– Может, она хотела, чтобы я пошла в полицию... Или поступила с Тео так же, как тогда с отцом...

– Ну уж нет. – Риган даже голос повысила. – Каро любила тебя, Ди, и не могла хотеть, чтобы ты натворила такое, за что тебя потом упрячут в тюрьму. Даже думать не смей.

Я вздохнула. Подруга была права.

– Каро написала мне потому, что знала: с ней что-то случится, – сказала я. – Что-то плохое.

– Резонно, – ответила Риган. – Но тут есть другой момент, который заставляет меня сомневаться, что это писала Каро: если она знала, что Тео убил первую жену, то почему продолжала жить с ним? На нее это не похоже.

И с этим нельзя было поспорить. Риган всегда любила загадки: фрагмент за фрагментом она соединяла кусочки информации, и те складывались в картину раньше, чем я успевала хотя бы нащупать детали, вот как сейчас. А может, я просто еще не была готова увидеть картину в целом.

– Когда я прямо спросила Тео, что стало с его первой женой, он испугался. Видно, не ожидал, что я вообще о ней знаю. Может, и Каро только что узнала? Может быть, из-за этого она и оказалась в опасности?

– Погоди-ка, – перебила меня Риган. – Когда это ты успела расспросить Тео?

– Мы вместе ехали в Гринвуд, в одной машине. И я решила: сейчас или никогда. Мне просто необходимо было узнать, правда ли то, что написала мне Каро.

– Когда-нибудь ты пройдешь зефирный эксперимент⁵, Ди. Но не сегодня. Ты сама лишила себя козыря в виде элемента неожиданности.

– Мне все равно.

– Ди, но если этот парень действительно разделался с женой, что он сделает с тобой, как ты думаешь?

– Мне все равно, – повторила я.

Риган отнесла сумку к стене и сходила за медболом. Этот тренировочный снаряд, некогда сферической формы, был сшит из кожи и набит свинцом, как мы всегда подозревали. Такие мячи есть в каждом спортзале, но наш, из додзё, был единственным в своем роде. Глядя на него, легко было поверить, что его держал в руках сам доктор Титоси, причем еще в те дни, когда жил в Кумамото. Это было настоящее чудовище Франкенштейна среди мячей: угловатый, весь в шрамах, грубо зашитых через край суровой нитью, крепкой, как рыболовная леска. Таким я увидела его в свой первый день в

---

⁵ Стэнфордский зефирный эксперимент (*англ.* marshmallow test) – серия исследований, проведенная в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в США. Детям предлагали выбор между одним небольшим вознаграждением, предоставляемым немедленно, и увеличением награды вдвое, если они смогут терпеливо ждать ее в течение короткого периода (примерно 15 минут), во время которого экспериментатор покидал комнату. В качестве вознаграждения, как правило, использовался зефир.

додзё, и с тех пор он ничуть не изменился.

Риган швырнула в меня мячом. Я поймала его, в значительной степени погасив силу удара собственным телом – по-другому с ним было нельзя.

– Что ж, инстинкт самосохранения тебе еще не изменил, – заметила Риган.

Я запустила мячом в нее. Риган была коротышкой – пять футов четыре дюйма, – зато накачанной, и легко поймала мяч.

– Сестра доверяла мне, – парировала я. – Она прислала мне сообщение с просьбой о помощи.

– Кэролайн могла послать сообщение отцу. Ты говорила с ним об этом?

Я чуть не выронила мяч. Иногда мне кажется, что у Риган есть шестое чувство. От нее бесполезно что-то скрывать – по-любому догадается и все из меня вытащит.

– Я ходила в компанию, которая переслала письмо. Вообще-то все они там задницы, но нашелся один парень, который помог мне. Каро действительно послала сообщение отцу, но я понятия не имею, что в нем.

– Но ты ведь можешь позвонить ему и спросить...

– Ага, щас... Было еще третье сообщение.

– Подруге Каро, Джуд? – тут же отреагировала Риган.

Я положила мяч на пол. Раньше я считала, что письмо ушло к Тео, но теперь поняла, что, скорее всего, третьим адресатом была именно Джуд.

– Вообще-то не знаю, – сказала я и достала из сумки листок. – Оно без имени, в графе адресата просто Х, а сообщение вот какое.

Скользнув по нему глазами, Риган удивленно вскинула брови.

– Чепуха какая-то. Это точно сообщение? По мне, так рандомный набор цифр и букв.

– Каро не была сумасшедшей.

– Час от часу не легче... С кем еще общалась твоя сестра? Я пожала плечами.

– Понятия не имею.

– Может, полиция разберется?

– Я не верю копам.

– Что ж, неудивительно, учитывая твой опыт, – сказала Риган. – И все-таки обещаю тебе, что пойдешь в полицию. Ни в коем случае не пытайся сама наказать Тео.

– Думаешь, не справлюсь?

– Ди, послушай меня. Такие вещи в одиночку не делают, – заговорила Риган настойчиво. – Если мы хотим добиться справедливости для твоей сестры, нам просто необходимо, чтобы полиция была в деле.

– Кто это «мы»?

– Мы – ты и я, – сказала Риган. – Вот глупая.

В горле у меня встал ком.

– Ладно. Завтра перед работой зайду к копам.

Глава 9

Дейрдре

В ту ночь я долго лежала без сна, глядя в потолок и прислушиваясь к урчанию хозяйской стиральной машины. Сэйра вечно бродила по дому часов до двух-трех утра – пылесосила, шаркала шваброй, отскребала стены. А мой сосед, Уилсон, даром что коротышка ростом мне по пояс, храпел, точно корабельная сирена. Перегородка между нашими комнатами, тонкая, как из папье-маше, от его храпа не спасала. Я помучилась, потом решила перестать притворяться, что сплю, и потянулась за компьютером.

Я хотела отправить два сообщения, и одно из них – таинственному Х, чей адрес дал мне Тодд. Впечатав его в адресную строку, стала писать: «Здравствуйте, я Дейрдре Кроули, сестра Кэролайн Трэкстон. Я знаю, что после ее смерти вы получили от нее сообщение, и хочу поговорить с вами о нем. Не могли бы вы написать мне на этот адрес? Или позвонить? Спасибо». Я добавила к письму свой номер телефона и нажала на «отправить».

С одним покончено. Второе будет сложнее.

Я зажгла свет, достала снимки сестры, просмотрела их и

нашла тот, где Каро была сфотографирована с мужчиной, которого я не знала. «С Беном, в доме Кларксонов-Норткаттов в Хай-Фоллз, Нью Йорк». Я взгляделась в лицо мужчины. Красивое, но без изюминки, незапоминающееся: хорошая стрижка, светлая, покрытая ровным легким загаром кожа, правильные черты лица, безупречные зубы. Я поймала себя на том, что пытаюсь представить его в черных очках, примерить на него образ того незнакомца, который наблюдал за похоронами Каро в Гринвуде. Что ж, это мог быть он, а мог быть и кто-то другой.

В Сети оказалось много информации о Бене Норткатте. Он был репортером из разряда неустрашимых, получил Пулитцеровскую премию. Написал три книги о политике, наркоторговле и терроризме в Южной Америке тех лет, когда сам жил в Колумбии и Аргентине. На его веб-сайте были ссылки на статьи, написанные им для «Эсквайра», «Джикью», «Нью-Йорк таймс» и «Гардиан». Я прошла по ним и, не отрываясь, стала читать все подряд. Статьи были о коррумпированных политиках и наркоторговле, но в памяти остались лишь самые жуткие сюжеты – например, о торговле людьми, которых увозили для работы на шахтах и рудниках Колумбии и Венесуэлы; о детях-солдатах, страдающих посттравматическим стрессовым расстройством; о бандитах из Боготы, которые пичкали своих жертв специальными наркотиками, превращая их в зомби; о нацистских преступниках времен Второй мировой, чье гнездо внезапно обнаружили в

Аргентине...

Одним словом, этот Бен был однозначно крутым парнем. Впечатляло даже его фото на сайте: лицо серьезное, без тени улыбки, а рядом – гора из человеческих черепов. Собравшись с духом, я напечатала банальнейший текст: «Здравствуйте, Бен, это Дейрдре, сестра Кэролайн Кроули, мне очень нужно поговорить с вами», – и добавила свой номер телефона.

Теперь оставалось только ждать.

Мне очень хотелось еще почитать Бена, но я напредила себе, что собиралась поискать статьи Каро. Когда она заканчивала школу журналистики САНИ в Нью-Палтце, мы не общались – мне было семнадцать лет, я жила с Риган и ее мамой, а за успехами Каро следила в Сети, читала кое-какие ее статьи для женских журналов и сайтов турагентств и жестоко высмеивала их. Прошло два года, прежде чем мы начали общаться по-настоящему. Каро как раз только что сделала статью о Тео Трэкстоне для глянцевого журнала, название которого я не помню. Ее быстро перепечатали многие сетевые издания. Еще бы, с таким-то названием: «Наследник Трэкстонов или современный Индиана Джонс?». Ужас, с какой стороны ни глянь. Статейка была небольшая, из разряда «30-летние о 30-летних», но с целой россыпью настоящих самородных слов, какие никогда не встретишь в пафосной журнальной писанине. Кликнув на нее теперь, я увидела фото Тео – он стоял в неопреновом водолазном костюме на фоне

разбитой каменной головы, поросшей водорослями. Я начала читать.

«Фамилия Трэкстон ассоциируется с роскошью. Отели Трэкстонов действуют в 38 странах мира, и можно предположить, что у наследного принца империи, Теодора Р. Трэкстона-младшего, или Тео, как он предпочитает себя называть, дел всегда по горло. И все же двадцатисемилетний Трэкстон, вице-президент семейной компании и топ-менеджер глобального масштаба, обзавелся времяемким хобби: он возвращает похищенные древности тем странам, из которых они были вывезены.

«Честно говоря, я никогда не хотел быть отельером, – признается он. – Об этом мечтал отец, а я завалил первую попытку, когда учился в Берлине». Позже Трэкстон все-таки поступил в Гарвард на курс ЭмБиЭй/ДжейДи, который закончил одним из лучших в группе.

«Я вовсе не собирался становиться законником, – говорит Трэкстон. – Но я вырос среди людей, которые всю манипулировали законом для достижения своих целей. И хотя мое образование не делает меня полноценным игроком на юридическом поле, оно помогает мне ориентироваться в этой системе». Первый успех на новом поприще ждал его в прошлом году, когда ему удалось помочь правительству Таиланда вернуть в страну несколько предметов керамики бан чинг – считается, что им по крайней мере 2000 лет – из одного американского музея, который предпочел остаться нена-

званным.

«Сегодня музеи очень внимательно относятся к провенансу выставленных у них предметов, но так было не всегда, – говорит Трэкстон. – В эпоху колониализма захват чужого культурного наследия был обычной практикой и до сих пор кое-где остается таковой».

Не исключено, что Трэкстон добился столь многого в таком молодом возрасте благодаря наследственности – его мать, Пенелопа Арчер, легенда лондонской театральной сцены, получила свою первую премию Лоуренса Оливье в восемнадцать лет за главную роль в «Ромео и Джульетте»; всем известна история о том, как его отец, Теодор-старший, приобрел свой первый пятизвездочный отель на деньги, выигранные в казино Монте-Карло. «Да, в нашей семье любят драматические эффекты», – подтверждает Тео. Но о своей личной драме говорить не хочет. «Самой драматической историей в моей жизни стал поход в берлинский зоопарк. Мне было тогда шесть лет, и я ухитрился забраться в вольер к тигру, – говорит он. – Мне еще повезло, я выжил и отделался только шрамами. Но драмы с меня хватит. Теперь я хочу лишь одного – сделать для мира хоть что-нибудь доброе».

Эту статью я перечитала дважды. В коллекции сестры нашлись и другие упоминания о Тео, но в совершенно предсказуемом, скучном контексте развития глобальной империи «Трэкстон интернешнл». В более поздних статьях имя Тео встречалось в контексте кампании за возвращение Гре-

ции мраморов Элгина, но и там не было ничего о нем как о личности. В колонке «Нью-Йорк таймс» я видела заметку о бракосочетании Каро и Тео, но не нашла в себе сил кликнуть на нее. Была еще пара фото из таблоидов, на которых Каро и Тео вместе блистали на каком-то благотворительном балу, и несколько снимков Каро, неизменно безукоризненно одетой, но без мужа. «Светская львица Кэролайн Трэкстон в качестве хозяйки первого ежегодного благотворительного бала в помощь жертвам семейного насилия», – выскочил вдруг заголовок, под которым стояла подпись: Эбби Морел. Та самая, в розовом, которая прицепилась ко мне у церкви. Я открыла заметку, но там не было ничего существенного: одни фото людей в роскошных нарядах. Кстати, благотворительной организацией, ради которой все это было затеяно, оказалось «Гражданское общество Диотима». Я вспомнила, что это название всплыло в нашем с Каро споре где-то год назад, когда я упрекала сестру в том, что она превратилась в корпоративного трутня.

«Ты же собиралась стать журналисткой, – говорила я. – Почему же теперь довольствуешься тем, что делаешь паблисити для сети отелей?»

«А я и была журналисткой какое-то время, и оказалось, что это ужасно, – призналась мне тогда Каро. – Я должна была либо писать пафосную чушь под своим именем, либо пахать до седьмого пота на кого-то другого, кому доставалась вся слава. И в том, и в другом случае я работала за гроши».

«Но ты же мечтала о журналистике...»

«Мечтала, но с тех пор многое изменилось. – Каро ни словом не обмолвилась о тех годах, когда мы не общались друг с другом, но их тень всегда висела над нами. – Сейчас я делаю больше добра, чем в те дни, когда занималась журналистикой. «Диотима» не смогла бы делать то, что они делают, без моих денег».

«Пока – да, – презрительно бросила я. – Но империя Трэкстонов, скорее всего, не перенесет пандемию».

Каро улыбнулась в ответ.

«Ты удивишься, но дела у них идут совсем неплохо».

Тут я захлопнула лэптоп и выключила свет. Воспоминания о сестре оказались такими болезненными, что у меня буквально заныло сердце. Физическая боль была мне не новинку, меня не раз и не два здорово колошматили в спортзале, но та боль была ничто по сравнению с этим.

Глава 10

Тео

Слова, сказанные свояченицей, звенели у меня в ушах, пока я стоял возле могилы. «Каро мертва. Твоя первая жена – тоже. Неужели полиция не увидела тут подозрительного сов-

падения?» Это было так неожиданно, ее ярость была такой молниеносной, что я никак не мог это переварить.

Она застала меня врасплох. Больше такого не случится.

И все же ее слова преследовали меня весь день. Даже вечером, оставшись один у себя в спальне, я не мог выбросить их из головы и, чтобы отвлечься, стал рассматривать фотографии, которые покрывали целую стену. Одна привлекала меня особо: мы с Каро были сняты в лодке. Позади нас искрилось темно-синее Средиземное море, над нами раскинулась чистейшая лазурь неба. Кэролайн была в купальном костюме цвета мяты с накидкой в тон, скрадывавшей ее беременность. Мое тело полностью скрывал синий костюм из неопрена, оставляя на виду лишь лицо, кисти рук и босые ступни. Мы оба широко улыбались в камеру, опьяненные беспечной свободой медового месяца. Счастье было безоблачным.

А потом все изменилось.

Я разглядывал фотографию, которая внушала столько надежд, и пытался понять, где мы допустили первую ошибку. Сначала все ухудшалось очень медленно, а потом понеслось, как валун с горы. Прокручивая в памяти нашу короткую историю, как киноплёнку, я отмечал на ней все моменты кризиса и неверные решения. Вот только думать о своих ошибках мне не хотелось; гораздо легче было злиться на Каро.

Стена с фотографиями – единственное, что отличало мою спальню дома от номера в любом из наших отелей, и я пытал-

ся отвлекаться, разглядывая их. Вот малыш Тедди, новорожденный, а вот он же, но постарше, строит на пляже замок из песка. Вот моя мать в костюме Антигоны, которую она сыграла в театре в Вест-Энде, – черные волосы убраны наверх, как у богинь на греческих вазах, и подхвачены золотой диадемой; даже на черно-белом фото она смотрит пронзительно. Наверняка существовали какие-то ее снимки со мной, но я никогда их не видел. Мое детство было представлено на этой стене двумя снимками: на одном мы с Джульеттой стоим на лыжах, мне пять лет, сестре – девять; на другом, сделанном примерно в это же время, мы на свадьбе отца и мачехи. И там, и там сестра смотрит в камеру угрюмо, а я – ошалело. На том месте, где раньше висела наша с Каро свадебная фотография, теперь пусто. Помню, как я порезал правую руку, когда разбил стекло кулаком и сломал рамку.

Воспоминание невольно навело меня на мысль о том, что я сделал со своей левой рукой утром в церкви. Конечно, ладонь мне перевязали, но боль все равно чувствовалась. Какой же я был эгоистичный дурак, что сделал с собой такое, ведь я нужен моему сыну живой и здоровый... Это студентом я мог позволить себе роскошь предаваться горю и резать себя, чтобы забыться. Теперь все изменилось.

Я вышел в коридор и на цыпочках подкрался к комнате Тедди. С тех пор, как я уложил сына в кроватку, он звал меня уже трижды. В последний из этих трех раз я застал его на грани слез: он потерял любимую игрушку, ушастого плюше-

вого кролика, который просто выпал между прутьями кровати на ковер. С тех пор как Тедди сказали, что его мамы больше нет, он вообще стал воспринимать как катастрофу любую потерю, даже самую пустяковую. Я приоткрыл дверь, заглянул в детскую и с облегчением выдохнул: сын спал, обеими руками прижав к себе своего Банни. Успокоившись, я тихонько прикрыл дверь и пошел к себе.

Тут на кухне что-то грохнуло – и кто-то коротко взвизгнул.

В несколько прыжков я спустился по лестнице и побежал в дальнюю часть дома. Цветок на стеклянной двери кухни был ярко-алым: внутри горел свет. Распахнув дверь, я увидел мачеху: она стояла на коленях и голыми руками выбирала осколки из лужи на полу. Я тут же почувствовал себя виноватым: надо было зайти сегодня к ней, а я забыл. Ее запястье было перетянута эластичным бинтом.

– Урсула, ты в порядке?

– Тео! Ну как, держишься? – ответила она и улыбнулась так широко, словно мы встретились в чьей-нибудь гостиной. Бриллиантовые серьги-капельки сверкали в ярком электрическом свете, красная помада размазалась по зубам. Зато платье на ней было черное и такое мрачное, как будто она наконец собралась на похороны.

– Что случилось?

– Ничего страшного, дорогой. Просто я разбила бутылку.

В коридоре раздались шаги, и на пороге кухни появилась

Глория, няня Тедди, в пушистом розовом халате.

– Ой, миссис Трэкстон! Вы в порядке?

– Да в порядке, в порядке. Просто *ungeschickt*, как мне неустанно напоминает мой муж. – Урсула хотела сказать «неуклюжая». По-английски она говорила с акцентом, но так свободно, что люди обычно принимали ее за британку, а немецкие словечки слетали у нее с языка, только если она была пьяна в стельку.

– Давайте я уберу, – предложила Глория.

– Не надо, я сам, – отказался я. – Я так благодарен вам за все, что вы сделали сегодня, Глория... Вы даже не представляете, как много это для меня значит.

Глория подалась ко мне.

– Она все время приходит, – прошептала она. – Наверное, ваш отец урезает ее запас. – И, окинув Урсулу встревоженным взглядом, вернулась к себе.

Лужа вина растекалась по итальянскому кафелю. Я стал искать ведро и швабру, но не нашел.

– Там, в чуланчике, есть щетка с совком, – сказала Урсула так уверенно, как будто в этом доме жила она, а не я.

Я принес щетку и прибрался как мог. Пока я был занят, Урсула достала из холодильника вторую бутылку, аккуратно вынула пробку и наполнила стакан.

– Как твое запястье? – спросил я. – Отец говорил, что ты упала сегодня утром.

– Да, споткнулась и упала, – ответила Урсула. – Ничего

страшного, обычное растяжение. Отец наверняка сказал тебе, что я была пьяна, но я была трезвая. Почти. Просто очень расстроилась из-за Кэролайн.

– Хорошо, что это было просто растяжение. Тебе надо быть аккуратнее.

– Это я должна спросить у тебя, как ты себя чувствуешь, дорогой, – сказала Урсула и надолго приложила к стакану с шабли.

Моя мачеха не была утонченной женщиной, причем с самого начала. Я сильно подозреваю, что после моей матери с ее непредсказуемым актерским темпераментом, которую все, кто ее знал, иначе как сложной натурой и не называли, отец с радостью взял в жены ту, чьи запросы были просты и понятны, а главное, предсказуемы. Урсула любила деньги, драгоценности и алкоголь, хотя не обязательно именно в таком порядке.

– День был очень долгий, – сказал я.

– Долгий день, долгая неделя, долгий год, – подхватила Урсула. – Тянется и тянется, конца не видать, правда?

Не спрашивая, она взяла с полки второй стакан и плеснула в него вина для меня.

– Нет, спасибо.

– Зря отказываешься, тебе еще пригодится, – сказала она. – А ты что сделал с рукой?

Мачеха была права; я сделал долгий глоток. Что меня всегда поражало в Урсуле, так это ее наблюдательность: даже

пьяная в дым, она замечала каждую мелочь.

– Это отец тебя прислал?

– Вот еще. Я перед ним не отчитываюсь.

– А я всегда думал, что ты отчитываешься перед Клаусом. – Урсула приходилась младшей сестрой Клаусу фон Штрому, бизнес-партнеру моего отца. Они были как инь и ян: отец – общительный весельчак, Клаус – суровый молчун.

– Перед братом, этим засранцем? – Припечатав брата таким словечком, Урсула изящно выгнула бровь. – Уверена, он на это рассчитывал, когда я выходила замуж за твоего отца. Все мужчины думают, что женщины существуют только для их удобства. *Arschlöchen!*⁶ – Она сделала еще один большой глоток. – Так что у тебя с рукой, дорогой?

– Погасил свечку сегодня утром, в церкви.

– Одну?

– Несколько.

Урсула допила вино и поставила пустой стакан на стол.

– Я думала, ты с этим давно покончил.

– Так и было. До сегодняшнего дня. – Я не врал; я перестал жечь и резать себя, когда родился Тедди. А в последние два года – с тех пор как я ушел из семейного бизнеса – мне даже думать об этом некогда было.

– Ты снова принимаешь наркотики?

– Нет. После клиники – ни разу.

– Я рада это слышать. – Урсула налила себе еще. – Потому

---

⁶ Придурки! (нем.)

что, когда ты это делал, было кошмарное время для всех нас.

– Я знаю, – тихо ответил я. Мы помолчали с минуту. – Мне надо у тебя кое-что спросить, Урсула. Кэролайн когда-нибудь спрашивала тебя о моей первой жене?

Мачеха грустно кивнула:

– Спрашивала. Месяца три назад. Мне показалось, она темнит.

– В каком смысле? – спросил я, прикидывая в уме сроки. Кэролайн впервые заговорила о разводе два месяца назад, но так и не объяснила, почему он ей вдруг понадобился.

– Она несколько раз приходила в дом твоего отца, искала фотографии... – Урсула пригубила бокал. Они с отцом жили в громадном особняке через дорогу от нашего, но мачеха почему-то упорно называла его «дом твоего отца». Дом, в котором жили мы с Кэролайн, был их свадебным подарком нам. – Однажды, когда мы с ней были одни, она вдруг спросила меня: «А где альбом с фотографиями с первой свадьбы, Тео?»

Я резко вдохнул.

– Как она...

Урсула подняла руку.

– Понятия не имею, дорогой, я рассказываю только то, что знаю. Кэролайн и меня тогда удивила, но она была слишком умна, бедняжка, и это не пошло ей на пользу. Я ответила: «Какой альбом?» Конечно, мне следовало бы сказать: «Какая свадьба?», но это уже не важно. Кэролайн спросила:

«Разве Тео не был женат раньше?», а я ответила: «Конечно, нет». Она настаивала: «Разве не из-за женитьбы он бросил университет в Берлине?» Нет, pardon, она сказала «колледж», а не «университет». Я спросила, кто ей рассказал такую чушь.

– И что она ответила?

– Она притворилась, что это ты – да, да, ты сам, Тео, – дал ей какой-то намек. – Урсула закатила глаза. – Мой брат и мой отец служили в Штази⁷, а эта малышка думала меня провести?

Я хотел сказать, что Урсула, наверное, была пьяна во время их разговора – это и подало Кэролайн надежду, – но промолчал. Впрочем, пьяная или трезвая, мачеха читала меня, как открытую книгу.

– Ты думаешь, это из-за вина. – Она поднесла стакан к губам и, словно бравируя, сделала большой глоток. – Я храню секреты Трэкстонов с тех пор, как мой брат пристроил меня в ваш дом. Я как сейф, и отмычки ко мне не подобрать. Я никому ни словом не обмолвилась о твоих... ошибках.

Я ненадолго закрыл глаза и увидел лицо Мирей, словно призрак, вызванный воспоминанием. Было время, когда я не мог думать ни о чем, кроме ее смерти, но потом понял, что мне придется жить дальше, хотя и с пятном на совести. Моя ошибка еще не лишала меня способности делать добро, а значит, искупать ее я мог хотя бы и до конца жизни. «Я

---

⁷ Штази – Министерство государственной безопасности ГДР.

полон тайных страхов», – прошептал голос, и я вздрогнул. Когда Мирей умерла, было столько крови...

– Тебе было тяжело тогда, Тео, – продолжала Урсула. – И нам всем тоже. Мы боялись, что потеряем тебя. Твой отец был в ужасе. Ты отощал, стал похож на призрак, как будто сам вот-вот умрешь...

– Может, не будем об этом? – попросил я.

– Извини, – сказала Урсула. – Я знаю, для тебя это тяжелая тема. Неудивительно, что ты чувствуешь вину. Но та женщина была настоящей дьяволицей. Она заслужила смерть. – Урсула осушила стакан и, наклонив голову, оценила уровень вина в бутылке. После секундного колебания слила остатки в стакан. – Я любила Кэролайн, – продолжала она тихо, и ее бледно-голубые глаза наполнились слезами. Нет, Урсула не собиралась оплакивать мою покойную жену, это был всего лишь побочный эффект алкоголизма, но тем не менее я знал, что она говорила искренне. – Конечно, я лояльна прежде всего твоему отцу и тебе, но я старалась помогать Кэролайн, чем могла.

– Конечно, Урсула.

– Было бы лучше, если б она вышла замуж за кого-нибудь другого, – сказала она. – Брак с Трэкстоном – чистое несчастье.

Я решил отнести это на счет моего отца, хотя знал – я тоже не подарок.

– Ты и Кэролайн так говорила?

– Думаю, что эти слова слетели с моих уст.

Даже моя мачеха, которая вырастила меня как собственного сына, считала меня монстром. Но разве я мог ее винить? Она знала все обо мне и о том, что я натворил.

– Есть лишь один человек, который ненавидит тебя так сильно, чтобы открыть этот ящик Пандоры из твоего прошлого, – добавила Урсула. – Вот уж кто радовался бы крушению твоего брака...

Я сразу понял, о ком говорит Урсула. Конечно, было немало тех, кто, стоя в сторонке, с удовольствием наблюдали бы, как разваливается на куски моя жизнь, но только один человек охотно приложил бы к этому руку.

Глава 11

Тео

Урсулу я проводил до самого дома, хотя он и стоял через дорогу от нашего, а после вернулся к угрюмому созерцанию фотографий на стене своей спальни. А как же мы с Мирей? Неужели не сохранилось ни одного фото, где мы вместе? В наш цифровой век, когда люди старательно фиксируют каждую заурядную трапезу, это кажется невозможным. Но мы с ней повстречались в особенно темный период моей жизни.

ни, и эта встреча ничего для меня не изменила – мое падение продолжалось. Еще подростком я начал принимать наркотики вроде кетамина и мидазолама, чтобы заглушить голоса, которые нашептывали мне на ухо разные слова, и стереть страшные картины из памяти. А когда к этой смеси добавился героин, меня затянуло в ад.

«Я полон скрытых страхов», – шептал самый настойчивый из моих голосов.

Я взялся за телефон. Правда, шел уже одиннадцатый час вечера, но доктор Хэвен работала допоздна. На третьем гудке она подняла трубку.

– Извините, что звоню так поздно. Это Тео Арчер, – представился я девичьей фамилией моей матери, которую взял, чтобы сохранить инкогнито. – Мне очень нужно, чтобы вы приняли меня как можно скорее.

– Мы можем поговорить прямо сейчас, если ситуация критическая, – предложила она. – Вы в порядке, Тео?

– Да, все хорошо, – солгал я. Но правда была в том, что я никогда не чувствовал себя спокойно ни в одном доме или отеле, которыми владела моя семья. Этот особняк нам с Каро подарили на свадьбу, но в документах его владельцем до сих пор значился мой отец. Правда, сейчас меня больше беспокоил не он, а другой родственник, вернее, родственница: моя сестра, которая, как я знал, только и подстерегала момент, чтобы воткнуть нож мне в сердце. Когда Урсула сказала, что только один человек на свете мог рассказать Каро

о моем прошлом, она имела в виду именно Джульетту. – Но если у вас есть свободное время завтра...

– Можно прийти к одиннадцати, однако у меня будет всего полчаса, – предупредила она.

– Я приду. Спасибо.

В юности я повидал немало психологов и психиатров, к которым ходил по настоянию отца, и быстро понял, что они передают моим родственникам каждое мое слово. Сестра и теперь еще обожала дразнить меня тем, что посылала мне по имейлу терапевтические рекомендации, которые должны были помочь мне преодолеть мой патологический страх перед животными, как она выражалась. После того случая в берлинском зоопарке, когда мне было три года, я так и не смог заставить себя переступить порог ни одного заведения с животными; зато мой сын, как назло, обожал зверей. Доктора Хэвен я нашел сам и держал встречи с ней в тайне. Правда, то, над чем мы работали с ней, не имело ничего общего с тем, к чему призывала меня Джульетта.

Вдруг я услышал глухой удар и вскочил. Звук шел из комнаты Тедди. Коридор я преодолел бегом и распахнул дверь детской.

Мое сердце пропустило удар: кровать была пуста.

Я щелкнул выключателем: в дальнем конце комнаты кто-то пискнул. Тедди и его сообщник, ушастый Банни, сидели на полу у шкафа с книжками.

– Что вы тут делаете? – спросил я. – А спать кто будет?

Тедди притянул к себе Банни.

– Ничего не делаем.

По полу вокруг него были разложены раскрытые книжки с картинками. А еще он держал что-то в руке и прятал это что-то от меня.

– Тедди, что там у тебя?

– Ничего, – повторил он.

– А по-моему, что-то есть. Покажи.

– Не могу, – ответил он.

– Почему?

– Мама сказала, что это секрет.

Я подошел ближе.

– Теперь все по-другому, Тедди. Мамы больше нет, и ты можешь рассказывать мне любые секреты.

Сын уставился на меня умоляющими глазами, круглыми, как монеты по четверть доллара.

– А когда она вернется?

Я сел рядом с ним на коврик.

– Мне тоже хочется, чтобы она была сейчас здесь, с нами, Тедди. Но она больше не вернется, вот в чем штука. Теперь только ты и я.

Он прижал что-то к груди.

– Можно я посмотрю? – попросил я.

Сын протянул мне кулачок и разжал его. На раскрытой ладонке лежал золотой медальон в виде сердечка. Внутри оказалось фото Каро и ее сестры в детстве.

– Это фото мамы, – прошептал Тедди. – С тетей Ди. Они здесь маленькие.

– Очень красиво, – сказал я. – Ты взял его в комнате мамы?

– Нет! Мама сама оставила его здесь. – И он показал на шкаф.

– Почему она так сделала?

– Она говорила, что гремлины перекладывают все ее вещи. А здесь они его не найдут.

В последние месяцы перед смертью Кэролайн часто говорила странные вещи, обвиняла меня в том, что я лезу в ее жизнь.

– А мы можем пойти завтра в зоопарк? – вдруг спросил Тедди, и даже голос у него стал светлее.

– Может, сходишь с Глорией?

– Ты никогда не водишь меня в зоопарк. – Он крепче прижал к себе Банни. – Я с мамой пойду.

Мой сын заявил это так решительно, как будто последней недели и не бывало, или нам все приснилось. У меня чуть не разорвалось сердце.

– Ты понимаешь, что мамы больше нет, Тедди?

– А ты говорил, что видишь ее, – выкрикнул он пронзительно, и в его словах звучала неумолимая логика маленького ребенка. Но это была моя вина, я не сумел объяснить ему, что мама умерла. Когда он плакал, я утешал его мыслью о том, что можно сохранить образ того, кого любишь, в своем

сердце и видеть его как живого, хотя его и нет рядом. Глупо было надеяться, что мальчик неполных четырех лет от роду справится с такой сложной идеей; я и сам не справляюсь.

– Мы же сегодня провожали ее в церкви, Тедди, – напомнил я как можно мягче.

– Угу.

– Пора возвращаться в кроватку.

– Я не устал.

– А как же Банни? Он-то хочет спать или нет?

Тедди внимательно посмотрел на ушастого друга.

– Ты устал, Банни, – сказал он немного удивленно, словно пушистая зверушка ему ответила.

Я уложил обоих в кроватку и принес Тедди попить.

– Хватит приключений на сегодня, – сказал я. – Сладких снов.

– А где мама теперь? – спросил сын.

Мое сердце опять пропустило удар.

– Не знаю точно, Тедди, но там, где она теперь, очень хорошо. Лучше, чем здесь. – Раньше я никогда не мог понять, почему взрослые говорят такие банальности детям. А тут вдруг понял: мне нечего больше предложить сыну.

Глава 12

Дейдре

В восемь утра я уже была в 17-м округе, на Восточной 51-й улице, и ждала Луиса Вильяверде, того детектива, чьи слова о смерти Каро цитировала газета. Мои контакты с полицией ограничились тем, что они сообщили мне о смерти сестры, а опознанием тела и другими формальностями занимался кто-то другой – скорее всего, Тео.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.